Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТПАРТ

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И КП (б) Б

В. КНОРИН

1917 ГОД

В БЕЛОРУССИИ И НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

Государственное Издательство Белоруссии
МИНСК—1925

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТПАРТ
Комиссия по истории Октябрьской Революции и КП(б)Б.

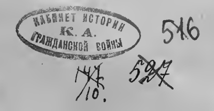
В. КНОРИН

1917 ГОД

В БЕЛОРУССИИ И НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

Государственное Издательство Белоруссии
МИНСК—1925

Б. Г. И. № 46. Главлитбел № 8237.

Тип. Профтехшколы, зак. № 661 Гиз. 5000 экз.

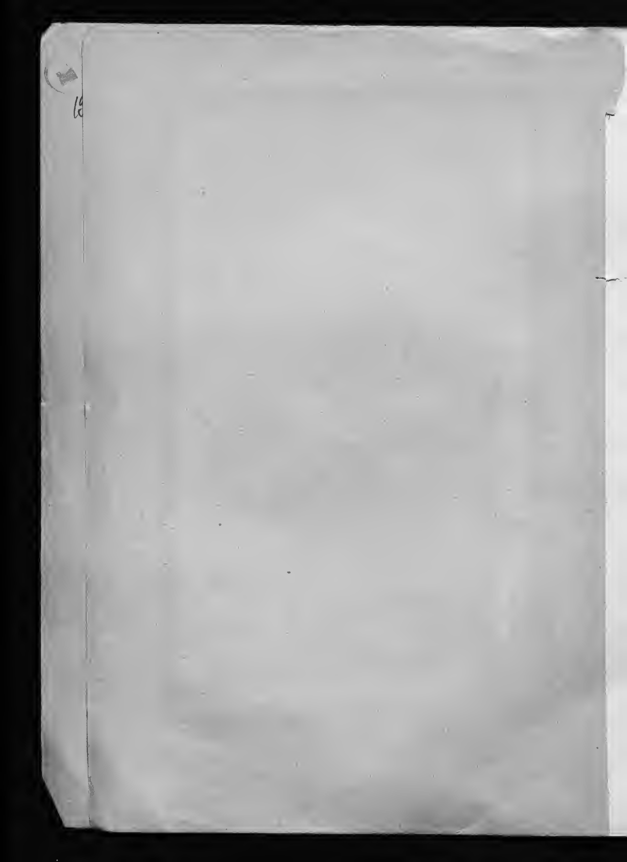
ОТ АВТОРА.

В основу этой работы легла выпущенная автором в 1920 году брошюра „Революция и контр-революция в Белоруссии“. В распоряжении автора было весьма немного документов эпохи, поэтому работа носит в большей своей части характер личных воспоминаний. Однако, и так основная мысль ее достаточно ясна: основателем и создателем коммунистической организации в Белоруссии была старая большевистская гвардия, заброшенная в Белоруссию войной из Ленинграда, Москвы, Иванова и т. д. и нашедшая здесь широкое поле для партийной работы в рабочей и солдатской массе и среди белорусского крестьянства. Местные же белорусские и еврейские (бундовские) революционные организации и их старые лидеры еще долгое время продолжали оставаться под влиянием мелкой буржуазии. В тяжелых испытаниях гражданской войны им пришлось выбирать между буржуазной демократией и диктатурой пролетариата—и они пошли за победившим пролетариатом.

От российского большевизма, от РСДРП (большевиков), а не от национально-социалистических партий идет история коммунизма в Белоруссии.

АВТОР.

1 марта 1925 г.

А. Ф. МЯСНИКОВ

Один из основателей первого большевистского партийиого цеитра, председатель 1-го минского комитета в 1917 г. Главиокоманд. Зап. фроита в первые дни окт. рев. и руководитель парт. орг. Белоруссии до 1919 г. Погиб при аварии аэроплана в апреле 1925 года.

1.

Империалистическая война с первых ее дней катастрофически отразилась на положении рабочего класса Северо-Западного Края. Уже осенью 1914 года военные действия были перенесены на территорию Гродненской и Сувалкской губерний (знаменитые августовские бои), а в июле и августе 1915 года русские войска оставили всю Польшу, Литву и Западную Белоруссию и отошли на линию стоянки 1916—1917 г., т. е. на линию больших озер Крево—Солы—Сморгонь—Пинск. Ремесленные и торговые местечки и городки края с преобладающим еврейским населением—бывшие крепости „Бунда"—были экономически окончательно разрушены, а во многих случаях (Сморгонь и др.) снесены с лица земли. В оставшейся незанятой немецкими войсками части белорусского края вся экономическая жизнь была подорвана в корне и предприятия мирного времени закрылись. Не доверяя еврейскому населению и стремясь, по политическим соображениям, перевалить часть вины за военные неудачи на евреев и вообще на инородцев, военное командование искало везде шпионаж и предательство, хватая „по подозрению" и без всякого подозрения первых встречных направо и налево. Двинский (б. Виленский) и Минский (б. Варшавский) военно-окружные суды были заполнены делами по обвинению в шпионаже и „содействии" неприятелю, которые обыкновенно кончались высылкой обвиняемых в глубокий тыл (Сибирь, Туркестан, за Волгу и т. д.), в виду отсутствия доказательств и фактического обвинительного материала. В целях лишения противника живой рабочей силы и устранения шпионажа, а также в целях поддержки национального шовинизма, населению оставляемых русскими войсками местностей приказывалось „бежать" в Россию от немцев, что поддерживалось

всеми обезумевшими от национального шовинизма националистическими и социал-националистическими вождями партий и руководителями общественного мнения. Это, однако, впоследствии не помешало последним пасть к стопам германского императора Вильгельма II. К „беженству" еще присоединилась „очистка прифронтовой полосы от неблагонадежных элементов". Все дороги были полны беженцами и выселенцами, что вносило панику в ближайший тыл и окончательно разрушало уже и так подорванную экономическую жизнь края и крестьянское хозяйство.

Все это вместе взятое привело—**во-первых, к полному подрыву мощи рабочего класса в крае, к распылению его основных и наиболее боеспособных кадров и к фактической ликвидации всех революционных и социалистических рабочих организаций края; во-вторых,—к распылению крестьянства и националистической крестьянской интеллигенции, идущей во главе белорусского национального движения, и к подрыву и дезорганизации самого белорусского национального движения и его наиболее ярких и левых проявлений.**

Но крайний предел распада местных болорусских и еврейских революционных организаций был одновременно началом нового революционного под‘ема и собирания новых организаторских кадров.

После летнего поражения 1915 г. начинается быстрый рост оппозиционных и революционных настроений в рабочих центрах и особенно в столицах, что сразу отражается на фронте. Среди офицерства, особенно среди офицерства военного времени, распространяются коституционно-демократические взгляды, циркулируют антидинастические слухи и разнообразные версии предстоящих изменений в управлении страною, наростает недовольство господствующей придворною кликою и надежды на Государственную Думу, как организатора обороноспособности страны. Национальная интеллигенция (поляки, украинцы, белоруссы, латыши и т. д.), попавшая в армию в качестве офицеров военного времени, является наиболее далеко идущею в этих „конституционных чаяниях". Дальнейшие мобилизации вливают в армию людей, приносящих

с собой эти тыловые настроения и разносящих их по частям фронта. Особо большое значение имеет при этом укрепление и усиление общественных организаций (Земский Союз, Союз Городов) и расширение их деятельности на фронте и в ближайшем тылу. В них находят место много революционных работников, проникающих через них на фронт, они являются аппаратом, распространяющим в офицерстве „конституционные чаяния“ и апокрифическую либеральную литературу (письмо А. И. Гучкова и др.).

Одновременно с ростом конституционно-демократических и оппозиционных настроений в офицерстве идет—рост действительно революционных социалистических настроений в солдатских массах. В армии и в общественных организациях начинает появляться все больше отдельных революционных работников из ссылки с целью участия в войне и, частью, для революционной работы, в итоге той дискуссии об отношении к работе в армии и уклонении от призыва, которая в некоторых местах ссылки проводилась.

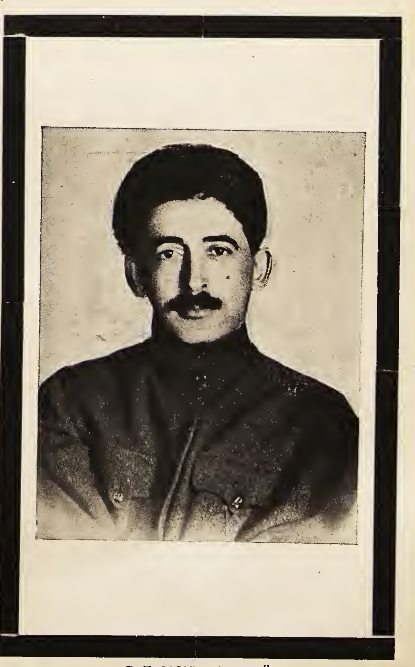
Этот наплыв, с одной стороны, оппозиционно-конституционных, с другой стороны, революционно-социалистических элементов на фронте и новый политический под‘ем совпал с наметившимся процессом революционизирования рядовой солдатской массы под влиянием усталости от чрезмерно затянувшейся войны и затруднений в снабжении продовольствием фронта. Результатом этого процесса было ослабление внешней военной дисциплины, увеличение числа дезертиров, увеличение числа дел по членовредительству, всеобщее недовольство командованием: среди генералитета и высшего командования—ставкою, среди рядового офицерства—командованием фронта и штабами, **а среди солдатской массы—вообще всем командованием и всем, особенно кадровым, офицерским составом.**

В течение всего 1916 года **в пунктах скопления солдат вне части** (пересыльные пункты, этапные управления, эвакуационные пункты, вокзалы прифронтовой полосы и т. д.) основными темами разговоров солдатской массы были разговоры о тыловых неурядицах, беспорядках, забастовках, изменах двора, министров и придворной клики и **о пред-**

стоящей революции. Совершенно ни на чем не основаны неоднократно встречающиеся в генеральских мемуарах заверения, что революционизирование фронта началось только с февральской революции и особенно с приказа № 1 Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Совершенно ни на чем не основано то предположение, что для фронтовой солдатской массы революция как с неба упала, и что подготовка к октябрю на фронте только началась после февраля. Кто был в солдатской массе старого фронта, тот прекрасно знает, что задолго до февраля на фронте, в траншеях и на этапах, особенно на этапах, полуоткрыто обсуждался вопрос о поведении солдатской массы в случае восстания в столице, в случае посылки части на усмирение забастовщиков и т. д. И это так естественно—в армии военного времени трудно было найти часть, в которой не было бы призванного по последним мобилизациям участника забастовочной борьбы периода 1910—1914 годов. Такие рабочие не могли, даже помимо своей личной воли, не быть своего рода **политруками** крестьянской солдатской массы, недовольной экономическими затруднениями крестьянского хозяйства и длительным отрывом рабочей силы из деревни.

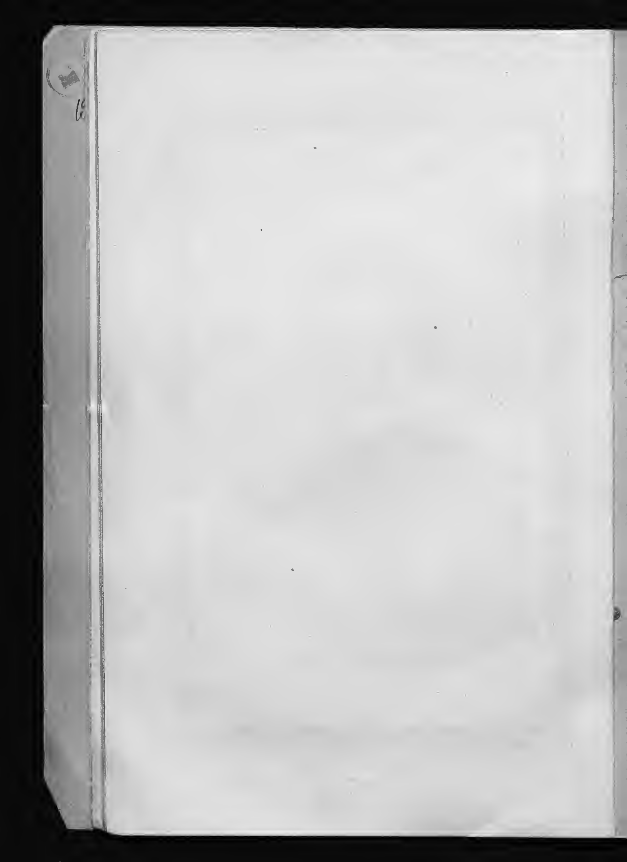
Таким образом, **на почве ухудшения снабжения фронта и длительного отрыва рабочей силы из деревни, задолго до революции поднимается общая волна недовольства солдат фронта, находящих своих политических руководителей среди мобилизованных на фронт рабочих и прибывшей через общественные организации и последние мобилизации революционной интеллигенции.**

Однако, процесс создания революционных организаций на фронте и в ближайшем тылу шел гораздо медленнее, чем процесс стихийного роста революционного настроения солдатских масс, что в значительной мере об'ясняется отсутствием организованного политического руководства и руководящего центра. Устраивались отдельные собрания социал-демократов с большевистским оттенком по инициативе т. т. Фрунзе, Любимова и др. в Минске, Несвиже, Лунинце и др. местах, привозилась литература. В Минске все время существовала об'единенная социал-демократическая группа

С. Г. МОГИЛЕВСКИЙ

Один из основателей в 1917 г. большевистской орг. в Белоруссии. Трагически погиб при аварии аэроплана в апреле 1925 года.

латышей, в которую от большевиков входили т. т. К. И. Ландер, П. П. Цельмин, Л. П. Резауский и др. Были кое-где и оформленные солдатские партийные группы, возглавляемые старыми членами партии. Однако, вся основная фронтовая масса как старых членов партии, так и вновь подошедших по своим настроениям к партии товарищей, оставалась неорганизованной и вне определенной партийной работы. Массовое движение шло без политического и организационного руководства, без сознательно бросаемых в солдатскую массу лозунгов. Это было низовое движение, которое своим быстрым ростом заставляло пробуждаться отошедших от работы или пренебрежительно относящихся к работе в солдатской массе партийных работников. Основными лозунгами массовой агитации этого периода была борьба с предательством власти и верховного командования и с растущей экономической разрухой, за поддержку и сочувствие бастующим рабочим. Основным вопросом внутрипартийного характера для этого периода было выяснение своего отношения к вопросу о войне и империализме и о путях выхода из войны.

Единой большевистской партийной организации, даже вообще какой-либо оформленной революционной организации на Западном фронте и в Белоруссии перед февральской революцией не было, несмотря на наличие достаточно большого количества партийных работников. Были только зачатки организации и информационной связи наиболее видных работников друг с другом и со столицами.

В таком виде Западный фронт царской армии и его ближайший тыл, восточная Белоруссия, были застигнуты февральской революцией.

2.

Военно-полевая цензура работала настолько хорошо, что о событиях в Ленинграде и о начале революции первые сведения в Минске были получены лишь первого марта в виде сообщения об образовании временного правительства и первых распоряжений Бубликова по ведомству путей сообщения. Но и получивши первые сообщения, Минск и фронт не

сразу раскачались, так как, из-за отсутствия революционного организационного центра, трудно было проявить инициативу, а солдатская масса еще в достаточной мере находилась под гипнозом старой палочной дисциплины и без организации извне ее революционные настроения не переходили в действия.

Первая инициатива в Минске, как в центре края и резиденции штаба фронта, была проявлена группою старых большевиков из Земского и Городского Союзов (т. т. Фрунзе, Любимов, Ландер, Позерн и др.), которыми были предприняты первые меры по разоружению полиции, упразднению старых органов власти и водворению нового правопорядка. Только после этой предварительной прочистки пути опирающимися на массовые настроения большевиками мог формально принять власть назначенный комиссаром Временного Правительства по Минской губ.—председатель Минской Губернской Земской Управы кадет Самойленко.

Из этой же группы большевиков несколько дней спустя (4—5 марта) исходила инициатива организации Минского Совета Рабочих Депутатов по типу Петроградского Совета. Без всякого модуса представительства, без достаточно оформленных выборов было созвано собрание представителей партий (социал-демократов (большевиков), социалистов-революционеров, бунда) и крупнейших предприятий, преимущественно Земского и Городского Союзов, которое об'явило себя Советом Рабочих Депутатов гор. Минска и обратилось к другим предприятиям с предложением избрать своих представителей. Рядом с земскими организациями и фронтовыми штабами, бросившимися в эти дни в либерализм и перекрасившимися в „революционный цвет“, в первые дни своего существования Минский Совет представлял как-будто бы малозначительную, полу-легальную организацию, но он, однако, рос не по дням, а по часам, организуя действительно революционные массы в море желто-революционного либерализма и мещанства. 6 марта в Минске состоялась первая всенародная демонстрация под красным флагом, в которой первенство принадлежало организациям и учреждениям Земского и Городского Союзов, вышедших на улицу под руководством своих либеральствующих и кадетствующих началь-

ников и заведующих, и армейским и штабным частям под командою своих офицеров, полагающих, что теперь наступило время, когда можно будет сокрушить немца и пожать лавры победителя. Выступления генерала Эверта, тогдашнего главнокомандующего Западным фронтом, клявшегося в своих национальных чувствах и не-немецком происхождении, и представителя Московского купечества и Всероссийского Союза Городов Н. Н. Щепкина еще более подчеркивали этот либерально-мещанский характер демонстрации.

В такой обстановке состоялось первое публичное выступление Минского Совета Рабочих Депутатов. На демонстрацию Совет вышел во главе со своим президиумом, под своим красным знаменем, на котором еще не было лозунгов. Но это отсутствие лозунгов заменило выступление, после речей Щепкина и Эверта, председателя Совета тов. Позерна с единственной революционной речью на этой демонстрации, он говорил что революционные задачи рабочего класса не закончились, но только теперь получают все свое значение, и призывал быть на страже революции. Таким образом, в первом своем выступлении Минский Совет уже нарушил мирные иллюзии обывательской „революционности“ и дал некоторую перспективу присутствовавшим на демонстрации революционным рабочим и солдатам.

Демонстрация 6 марта обратила внимание масс на Минский Совет Рабочих Депутатов. К его знамени потянулись представители рабочих и солдат, которые получали указания о выборах своих представителей и организации связи с Советом. Вечером, на Юрьевской № 2, в помещении, из которого всего несколько дней тому назад выбрался первый участок полиции и которое было занято Советом, было организовано первое собрание представителей воинских частей Минского гарнизона, на котором участвовали, как представители своих частей, между прочим, т. т. Могилевский, Кривошеин (большевики), Фишгендлер (меньшевик), Хватов (меньшевик), Старобинец (эс-эр), автор этих строк и многие другие. На этом собрании было положено начало организации солдатской части Совета и превращения его в Минский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Основною задачей

собрания был учет оружия, установление контроля за ним, установление наблюдения за поведением офицерства, в целях борьбы с возможными контр-революционными попытками реставрации. Каждому представителю части на этом собрании давалось указание вернуться к себе в часть, немедленно собрать ее, раз'яснить положение революции и стоящие перед нею опасности, установить связь с другими революционными частями и немедленно приступить к созданию революционной организации у себя под руководством солдатской секции Совета. И хотя военный цензор штаба фронта еще в течение целой недели в „Известиях Совета“ упорно вычеркивал название „и солдатских“, однако, в этот день Минский Совет был превращен в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов г. Минска. Это была первая попыта организовать солдатские массы для борьбы и эта попытка дала большие результаты.

Минский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов был первою легальною массовою революционною организацией в крае и на фронте. Хотя он в первые дни не смог сразу определить своего лица и в течение двух с половиною месяцев ему приходилось заниматься выявлением партийных влияний и настроений масс, пока он оформился как большевистский, однако, в первый же день его председателем был избран т. Б. П. Позерн, тогда интернационалист-межрайонец, вскоре примкнувший к большевикам, и его заместителем т. И. Е. Любимов, большевик. Такой „захват“ руководства Советом большевиками был возможен лишь благодаря полной неорганизованности, растерянности и дезориентации довольно сильных на фронте соц.-революционеров, во главе с впоследствии известным руководителем Самарского Комитета Учредительного Собрания Нестеровым, и „Бунда“—этой единственной организации, которая до того времени имела в Минске широкие связи в рабочих массах и во главе которой стояли широко известные в Минске работники: Евг. Ад. Гурвич, И. В. Теумин, Каминский и др. Эти обстоятельства придали Совету с самого начала ярко-революционную окраску и поставили его в центре революционной стихии, ищущей политического и организационного руководства.

Образование Минского Совета и появление первых номеров его „Известий“ послужило сигналом к политической организации широких слоев революционно-настроенных масс вне Минска, на фронте и по краю. Частично под влиянием приказа № 1 Петроградского Совета о гражданских правах солдат, частично под влиянием образования Минского Совета, начинается организация воинских комитетов в полках, дивизиях и армиях, что совершенно изменило отношения между командным составом и солдатскою массою и явилось началом организации революционного выхода из войны. В прифронтовых местечках и городках создаются, по образцу Минска, городские и местечковые Советы Рабочих и Солдатских Депутатов, руководимые работниками армии (Несвиж, Замирье, Столбцы, Слуцк, Вилейка, Бобруйск и т. д.). По инициативе того-же Минского Совета созывается губернский с'езд крестьянских депутатов, на котором избирается исполнительный комитет во главе с тов. М. В. Фрунзе (тогда Михайловым). Завершением этого периода организационной работы явился созыв фронтового с'езда солдатских, офицерских, рабочих и крестьянских депутатов, положившего начало областному и фронтовому об'единению революционных сил и работы и дальнейшей политической кристаллизации революционных масс фронта. Вся эта работа было проделана не партийной организацией, а небольшой, партийно недостаточно оформившеюся и определившеюся группою работников-большевиков, не по твердо наперед намеченному плану, а под широкою волной поднимающейся стихии революционности солдатских и рабочих масс и в целях закрепления и дальнейшего углубления революционного развития.

3.

Задачею нашей партии на фронте было поддержать стихийный рост революционности, подорвать армейскую командную иерархию и вести пропаганду интернационализма и революционного выхода из войны. Приказ № 1 Петроградского Совета был той грамотою солдатских вольностей, которую ждала и прекрасно поняла и усвоила солдатская

масса. На основе этого приказа началось развитие антагонизма между офицерами и солдатами, стремящимися к действительному проведению в жизнь этого приказа. Этот антагонизм приводит к постепенному устранению из полковых и дивизионных комитетов, а в худшем случае,—к уменьшению политического веса офицерства и к ослаблению дисциплины. Однако, политическая борьба за влияние на солдатские массы делает самые разнообразные зигзаги. Шовинистическая пропаганда пользуется крестьянским составом армии для того, чтобы натравить солдат на рабочих. С этой целью распространяются росказни о лени рабочих, не желающих работать больше восьми часов, в то время, как крестьянин работает от зари до зари, о непомерном росте заработной платы рабочих в то время, как снабжение армии все ухудшается. Минский Совет и все большевики, работающие на фронте, должны были противопоставить этой агитации свою агитацию союза рабочих и крестьян. С этой целью была поддержана посылка армейских делегаций в тыл для ознакомления с положением рабочих, велась борьба с распространением буржуазной печати и с влиянием буржуазной пропаганды.

Фронт, через Городской и Земский Союзы, наводнялся буржуазными газетами — „Русским Словом“, „Биржевыми Ведомостями“, „Речью“ и т. д., кричащими про двоевластие, и ведущими борьбу против приказа № 1 и вообще против Петроградского и местных Советов. Минский Совет организовывает, в противовес распространению буржуазной печати, распространение социалистической печати.

Комитет Государственной Думы, Временное Правительство, Земский и Городской Союзы наводняют фронт и Минск своими агитаторами „для успокоения армии“. По фронту раз‘езжают Родзянко, Щепкин, Масленников, Мансырев, сам военный министр Гучков — с призывами к патриотизму и исполнению своего гражданского долга в борьбе до победного конца. Минский Совет рядом с этими высокопоставленными агитаторами рассылает своих революционных солдатских агитаторов, разоблачающих их патриотический обман и вносящих в слащаво-патриотические речи свои революционные поправки.

Для пропаганды совместной борьбы с союзниками до победного конца фронт об'езжала союзническая англо-французская социалистическая делегация в составе англичан Филиппа Сноудена и О. Греди и французов Марселя Кашена (тогда еще социал-патриота) и Мутэ. Минский Совет приставил к ним для „пояснения" их речей и для противо-агитации им большевиков—солдат т. т. Кривошеина и Могилевского и меньшевика Фишгендлера, вследствие чего усилия делегации дают противоположные ее ожиданиям результаты и усиливают распространение антивоенных и интернационалистических взглядов в армии.

Но всю эту работу по фронту и по области Минский Совет мог взять на себя только в первые дни. Он на это не имел ни формального права, что являлось большим препятствием, ни возможностей, ни сил. Его влияние было влиянием наиболее крупного и сильного политического центра, пользующегося политическим влиянием далеко за пределами своего района. Также, как перед Петроградским Советом встал вопрос о созыве Всероссийского Совещания, а потом и первого Всероссийского С'езда Советов,—перед Минским Советом встал вопрос о созыве с'езда рабочих, крестьянских, солдатских и офицерских депутатов Западного фронта и ближайшего тыла, включая в состав этого тыла всю позднейшую Западную Область (Минскую, Могилевскую, Витебскую и Смоленскую губ.).

Фронтовой с'езд, собравшийся в середине апреля, был одним из важнейших событий весны 1917 года. Будучи первым из фронтовых и армейских с'ездов, он наметил вехи дальнейшей массовой работы в армии, структуру и принципы создания демократических армейских организаций, легшие впоследствии в основу армейских и фронтовых организаций всех других фронтов и армий. Но наиболее важное значение фронтового с'езда заключается в той политической роли, которую он сыграл в деле самоопределения солдатских масс, высвобождения их из-под влияния офицерства и прислуживающих офицерству комитетчиков из писарей и штабистов и создания условий для ликвидации всего фронта, как орудия империалистической войны, путем превращения его в резервуар революционных сил для приближающегося октября.

Кампания по подготовке с'езда была наиболее трудною и исторически наиболее важною политическою кампанией, проведенной Минским Советом весною 1917 года, поскольку в этой кампании приходилось решать вопрос о том, кто на ближайшее время будет хозяином на фронте, какая пропаганда будет пользоваться полною свободою и какая будет ограничиваться. Естественно, что в таких условиях произошло значительное оживление политической деятельности офицерства, стремящегося противопоставить себя интернационалистической пропаганде Совета. Неопределившийся еще, как большевистский, Минский Совет в это время пошел на некоторые политические уступки, что выразилось в создании смешанной офицерско-солдатской комиссии при Минском Совете, пытавшейся ослабить революционное влияние Минского Совета. Однако, эта паритетная организация просуществовала недолго, ибо наростание революционности масс шло так быстро, что его нельзя было уже задержать паритетными комиссиями. Прямым результатом этой кампании по созыву фронтового с'езда было оформление фронтовых политических организаций и образование на фоне революционной массы оформленных социал-демократических—большевистских и меньшевистских—и эс-эровских организаций.

Временное Правительство и Ставка Верховного Главнокомандующего прекрасно понимали, что **на Минском с'езде решается вопрос о судьбах армии,** поэтому они обратили на этот с'езд большое внимание и сделали все, что возможно, чтобы повлиять на с'езд и вырвать его из рук большевиков и интернационалистов. В этом им содействовали меньшевики, занимавшие промежуточную позицию и стремившиеся солдатскую массу противопоставить, с одной стороны, контр-революционному офицерству, с другой стороны, большевикам. Борьба за влияние на с'езд выразилась в том большом количестве представителей, которые на с'езд были присланы различными политическими партиями. От командования на с'езде выступал генерал Гурко, заменивший главнокомандующего Западным фронтом генерала Эверта, от различных правительственных организаций—кадеты и октябристы Родзянко, Родичев, Щепкин и др., от Петроградского Совета

и меньшевиков—Чхеидзе, Церетелли, Скобелев, Гвоздев, а от большевиков—т. т. Бадаев, Лашевич, Ногин.

Большевики на этом с'езде, несмотря на то, что организационно они составляли самую меньшую часть с'езда, получили крупный политический выигрыш. Прямота и ясность большевистских лозунгов, близких солдатской массе, давала им мощное орудие влияния на революционно-настроенную, не оформившуюся солдатскую массу. Председателю с'езда тов. Позерну удается с'езд повести так, что доминирующая роль на с'езде принадлежит социал-демократической фракции, а в последней, в свою очередь, идеологическая гегемония—интернационалистской ее части. В результате с'езд, в противовес кадетским чаяниям и несмотря на малочисленность среди делегатов партийно оформившихся людей, выносит постановление, что в Исполнительный Комитет Западного фронта могут быть избраны только представители социал-демократической и социал-революционной партий, что явилось поражением офицерства и Временного Правительства. По списку социал-демократов, получивших при выборах, однако, меньшинство, в Исполком фронта, кроме ряда работников Минского Совета во главе с тов. Позерном, Любимовым, Могилевским, Кривошеиным и др., проходят как представители фронтовой солдатской массы, большевики т. т. Мясников, Фомин, Селезнев, Алибегов, Аптер, Щукин и др. Это обеспечивает хотя не интернационалистическое руководство фронтом—до этого было еще далеко,—но интернационалистическую оппозицию внутри самого фронтового Исполкома и возможность борьбы за интернационалистическое-большевистское—большинство.

Фронтовой Комитет был избран. Количественное большинство в нем оказалось за эс-эрами, а позднее право-эсеровско-меньшевистским блоком. Это обстоятельство сказалось и на составе армейских исполкомов, избранных в конце апреля и в мае. Политический успех большевистской пропаганды не привел сразу большевиков к организационному руководству. Это об'ясняется тем обстоятельством, что представительство от массы находилось еще в руках писарско-штабистского солдатского слоя, солдатской бюрократии, за-

нимающей в армейском аппарате промежуточное положение и находящейся под сильным влиянием офицерско-кадетской агитации и мелко-буржуазного шовинизма. Но офицерство было побито, как политический руководитель солдатских масс фронта, и вместе с тем были разбиты последние попытки капитализма и крупной буржуазии держать фронтовую солдатскую массу в повиновении себе **оружием демократии.** Политическое руководство перешло к мелкобуржуазной, чиновничье-писарской прослойке в армии и вместе с тем к мелко-буржуазным партиям.

Задачею фронтовых большевиков в таких условиях стало поднять низовую солдатскую массу на почве ее насущных интересов против мелко-буржуазной солдатской демократии за революционный выход из войны и продолжение революции. Под этим углом зрения нам в настоящее время приходится рассматривать дальнейший ход политического развития на фронте.

4.

Одним из первых шагов после февральского переворота должно было быть создание революционной партийной организации для политического руководства областью и фронтом. Однако, по ряду причин и, прежде всего, вследствие сильных межрайонных настроений среди минских большевиков, этот процесс затянулся на два месяца.

Большевистская инициативная группа предлагала создать организацию, состоящую из товарищей, стоящих в вопросе об отношении к войне на точке зрения левой Циммервальда, т. е. Ленина, и находящуюся под руководством ЦК РСДРП. (большевиков), а меньшевистская инициативная группа, выставляя на первое место „единство всех социал-демократов“, считала, что для образования организации вовсе не нужно определение отношения к войне и к империализму и что вопрос о создании социал-демократической организации вовсе не нужно связывать с вопросом об отношении к большевистскому и меньшевистскому партийным центрам. Межрайонные (нашесловские) настроения части большевиков, в том числе самых видных, дезориентировали другую, наибо-

лее прямолинейную часть, и привели к организационной победе меньшевиков.

11—24 марта произошло первое большое открытое собрание минской организации РСДРП инициатива созыва которого принадлежала меньшевикам. На собрании были поставлены все спорные вопросы. Большевистская группа на этом собрании оказалась в ничтожном меньшинстве. 90% всех присутствующих была принята меньшевистская платформа, предложенная доктором Э. Мунблитом и А. Фишгендлером, и решено создать минскую об'единенную организацию РСДРП не связывающуюся ни с большевистским, ни с меньшевистским центром, ни с ЦК, ни с ОК, в которой об'единить всех социал-демократов без различия фракционных убеждений, в целях достижения в дальнейшем полного единства партии.

Такое решение этого „социал-демократического" собрания вполне понятно. Оно в большинстве своем состояло из людей, которые были социал-демократами много лет тому назад и в течение продолжительного времени никакой связи с организацией не имели, из интеллигентов, которых всосала отсталая провинциальная среда, ремесленников и ремесленных рабочих. Всем им вся история борьбы между меньшевиками и большевиками по вопросу о войне и империализме была чужда, большинство из них поднялось из своего мещанства до социализма вновь только благодаря революции. Конечно, для них бесформенные лозунги об'единения были самыми приемлемыми. Только незначительная часть большевиков, попавших в Минск благодаря фронту, требовала ясности, но не получила.

Но в мелко-ремесленном и мещанском Минске, где большевистских традиций никогда не было, людям заброшенным из Питера и Москвы сразу создать большевистскую организацию было очень трудно. Для того, чтобы вести борьбу за влияние на массы, добиться связи с минскими рабочими и солдатами гарнизона, отвлечь от меньшевиков лучшую часть из тех, кто входит в „об'единенку", большевистская группка вошла в „об'единенку" и ввела в состав ее Комитета своих товарищей—С. Г. Могилевского и И. Г. Дмитриева.

Однако, меньшевики умели пользоваться своим преобладанием. Они всячески тормозили распространение большевистской литературы, выставляли преимущественно свои фракционные лозунги, не давая большевикам возможности пропангадировать свои взгляды.

На апрельские всероссийские конференции большевиков и меньшевиков М. О. О. РСДРП также послала своих представителей, но с совещательным голосом. На меньшевистскую поехал меньшевик Мунблит, на большевистскую —большевик Могилевский. Выдвинутые большевистской конференцией лозунги ставили пред большевиками необходимость ускорить ход событий и спешить с созданием своей организации.

В течение минувших двух месяцев социал-демократическая мысль России пережила очень много. Перед нами были тезисы 4-го апреля, которые впервые ясно и определенно поставили вопрос о власти Советов, как грядущей форме диктатуры пролетариата. Перед нами прошли события 21-22 апреля, когда пролетариат впервые поднялся против лживой власти Керенского, прикрывающей проделки буржуазного министерства Милюкова, пред нами уже обнаружило свое полное бакротство полусоциалистическое майское министерство речистых Церетелли и Скобелева и разверзлась глубокая пропасть между пролетариатом и меньшевистскими лже-социалистами. Да и в самом Минске и на Западном фронте социал-демократическая пропаганда в течение этого времени делала громадные успехи.

Необходимо было овладеть массами. Для этой цели большевики воспользовались фракцией Минского Совета и военной организацией партии.

Фракция Минского Совета с первых дней ее организации оказалась более левою, чем „об'единенка“ благодаря тому, что во главе Совета с первых дней его существования удалось стать группе большевиков и межрайонцев: т. т. Б. Позерну, И. Любимову и другим. Майские выборы в Совет происходили уже при обостренной фракционной борьбе между соц.-демократами и соц.-революционерами. Большевикам, под об'единенным соц-демократическим флагом, удалось провести в совет достаточно большую группу своих депутатов, по преимуществу,

от воинских частей. Под руководством тов. Позерна соц.-демократическая фракция наметила состав Исполкома так, что в нем абсолютное большинство принадлежало большевикам, а в Президиум Совета от социал-демократов вошли только одни большевики (4 большевика и 1 эс-эр). Также бюро фракции было составлено из одних большевиков. Это обстоятельство дало возможность Совету второго состава стать революционным центром для фронта и организатором октябрьского переворота. Большевики на заседаниях фракции все чаще и чаще стали предлагать по всем вопросам ярко большевистские резолюции, которые принимались абсолютным большинством фракции при резких возражениях крайней правой из меньшевиков в лице Е. А. Гурвич и И. Теумина. Но при условиях единой партийной организации единство фракции обязывало,—и целый ряд важнейших большевистских резолюций на пленумах Совета был проведен всеми или почти всеми голосами социал-демократов против эс-эров.

Одновременно в стенах Минского Совета под руководством бюро фракции стали устраиваться специальные собрания всех большевиков, на которых присутствовало 30-40 челов. На этих собраниях обсуждались вопросы о характере революции, об отношении к войне, о том, как произвести раскол организации так, чтобы массы остались за большевиками. На собрании 19 мая (2 июня) было избрано бюро большевистской фракции, во главе которого стал т. А. Мясников, руководивший всею дальнейшей работой по созданию большевистской организации.

Наша фракционная работа не могла остаться скрытою от глаз меньшевиков. Видя, что дело клонится к расколу, они переставали подчиняться единой фракционной дисциплине. Межрайонный центр, от которого старые большевики уже отошли и во главе которого теперь стало польское социалистическое об‘единение с тов. Берсоном, призывал всех к единству, но единство фракции распадалось. В ряде случаев Е. А. Гурвич, Теумин и др. вместе с эс-эрами проваливали предложения „своей“ социал-демократической, т. е. на самом деле большевистской фракции. Предложения президиума Совета с трудом проходили на пленуме Совета, в котором

меньшевики не подчинялись дисциплине единой социал-демократической фракции.

Назрел раскол социал-демократической фракции, сделавшей под флагом единства социал-демократии большое большевистское дело.

Основною своею задачей большевики считали подготовку фронта для пролетарской революции и вооруженного восстания. С этой целью с средины мая м-ца большевики сосредотачивают свое главное внимание на работе среди солдат Минского гарнизона и западного фронта. Созывается ряд социал-демократических солдатских собраний, на которых пропангандируются большевистские лозунги немедленного мира, немедленного, не дожидаясь учредительного собрания, захвата земли крестьянами и власти советов. Вначале на этих собраниях пытаются выступать меньшевиствующие элементы, но вскоре они, не пользуясь успехом, притихают. Военные собрания превращаются в военную организацию революционной социал-демократии, работающей под руководством большевистского Всероссийского Бюро Военной организации при Ц. К. РСДРП. Меньшевики сразу поняли, что если большевикам не легко дается овладеть распыленной рабочей массой города, выросшей в бундовских традициях, то в солдатской массе они будут иметь большие успехи. Они всячески, под тем или др. предлогом, стараются отсрочить прием в об'единенную организацию рекомендуемых большевиками солдат.

В это время в Петрограде происходит Всероссийская конференция военных организаций при Ц. К. РСДРП. Минская военная организация выбирает на конференцию старого большевика, солдата т. Алферова, но об'единенный комитет, тот самый, который еще в апреле посылал представителей и на большевистскую и меньшевистскую конференцию, отказывается выдать т. Алферову мандат и запрещает посылать т. Алферова,мотивируя тем, что предстоящая конференция фракционно-большевистская. Конечно, большевики не могли с этим примириться, они нашли возможность и послали своего представителя помимо „об'единенки".

Меньшевики этим воспользовались, чтобы заявить, что большевики нарушают единство организации, не подчиняются

дисциплине, организации идут к расколу,—и что поэтому следует вопрос о расколе поставить открыто. Таким образом, посылка большевистского представителя на Всероссийскую конференцию военной организации стала одним из формальных поводов к расколу.

Слабые в марте большевистские силы Минска после апрельского фронтового с'езда пополнились рядом новых работников, избранных во фронтовой комитет. На самом первом собрании большевиков некоторыми молодыми товарищами был поставлен вопрос об расколе. Но руководящая группа предлагала раскол несколько оттянуть с тем, чтобы получить в об'единенной организации большинство и увести за собой колеблющуюся часть. Через военную организацию должно было быть введено такое количество членов, которое дало бы большевикам в организации большинство. Опираясь на свое большинство, большевики должны были на ближайшем общем собрании провести свои резолюции об отношении к войне и по текущему моменту, т. е. об отношении к лозунгу советской власти, после чего переизбрать комитет и поставить формально вопрос об организационной связи с Ц.К. РСДРП, которая у большевиков фактически существовала с апреля месяца. Но меньшевики предугадали наш маневр. Собрание было назначено на 4 (17) июня. Все в порядке. Но они задержали выдачу билетов части большевистских солдат и не пропустили их в зал, несмотря на сильные протесты большевиков.

В прениях по обоим вопросам принимали участие от большевиков т. т. Фрунзе, Любимов, Мясников, Могилевский, Фомин, Мандельштам-Одиссей и др., со стороны меньшевиков—Бассист, Фишгендлер, Штерн, Зеленцов, Вайнштейн и др. Центральным пунктом порядка дня была внесенная большевиками резолюция, отвергавшая империалистическую войну, требовавшая советской власти и немедленного перехода всей земли в руки крестьян. Несмотря на политическую победу большевиков, меньшевикам, путем лишения права голоса части солдат, удалось получить на несколько голосов большинство. Тогда меньшевиками от имени комитета „об'единений" было сделано заявление о расколе, после чего

была избраиа ликвидационная комиссия, которая разделила поровиу все наличное имущество и средства.

Первый большевистский партийиый цеитр был создан еще 19 мая во главе с т. Мясниковым, руководившим расколом. Через иеколько дней, когда раскол почти уже стал фактом, состоялось второе собрание большевиков, на котором был избран постояиный комитет в составе т. т. Мясиикова, Фреймана, Кузнецова, Галкииа, Фомииа, Пикеля, Рейигольда и от группы латышей был включеи Кнорин. Председателем комитета был избраи т. Мясииков, секретарем сперва Рейнгольд, а потом т. Галкин. Техиический аппарат состоял из одиой работиицы—Розы Кагаи.

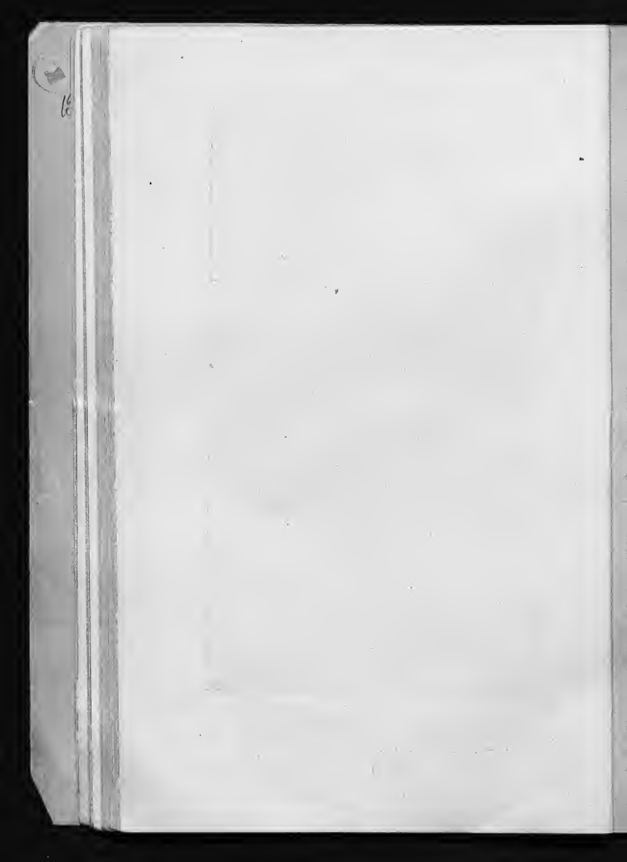
Первым делом комитета было выпустить свой манифест, в котором были изложены осиовные большевистские лозунги и самыми резкими словами заклеймеиы меиьшевики, как полусоциалисты, соглашатели и т. д. После этого комитет приступил к создаиию партийных ячеек, прежде всего, в частях гариизоиа, а также среди рабочих. Были приняты меры к учету оружия. Велась громадная агитациоииая кампания по раз'ясиеиию массам партийных лозунгов. В целях развития агитациониой работы, было решено издать свою газету, ио события 3—5 июля и иекоторые техиические затрудиения заставили отсрочить иачало издаиия. „Звезда" могла появиться в свет только 27 июля (8 августа). Особое виимаиие было обращено иа распростраиеиие большевистского влияиия иа профсоюзы, ио здесь успехи были незначительиы, вследствие еще сильиого влияиия Буида. Только иекоторые, виовь организованиые, союзы удалось подчииить влияиию нашей партии. Работа среди женщии была поручеиа т. Вере Павловие Голубевой, которая создала достаточио сильиую оргаиизацию жеищии-солдаток и профессиональные союзы прачек и гладильщиц и домашией прислуги, идущие целиком за партией.

Но особо важиою задачей Миского комитета являлось —устаиовить связь с другими городами, помочь им создать свои собствеиные, большевистские организации и распространить влияние партии в солдатской гуще Западного фронта. К выполиению этой задачи Миский комитет и приступил.

В. Г. КНОРИН

Один из основателей Коммунистической партии Белоруссии в 1917 г. и Секретарь Центр. Бюро К. П. Бел. до 1923 года.

5.

Майские перевыборы Минского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов протекали уже под знаком обостренной партийной борьбы между социал-демократией и социалистами-революционерами. Социалисты-революционеры, как организация, оформились позднее, чем социал-демократы, а потому их в Минском Совете первого созыва совершенно не было. Но их лозунги привлекали многих своей широковещательностью и неопределенностью, и во втором составе Минского Совета они получили почти треть мест: за ними пошла часть крестьян-солдат, увлеченных лозунгом „Земля и Воля", и некоторые группы служащих Либаво-Роменской ж. д. и Земского и Городского Союзов. Социал-демократы вели единую избирательную кампанию, но намечающийся организационный раскол давал уже себя чувствовать. В воинских частях и командах особенно энергичную деятельность развивали большевики и повсюду проводили своих кандидатов, от профессиональных союзов и предприятий проходили бундовцы и меньшевики из РСДРП при чем последних можно было по пальцам перечесть.

Выбор Исполнительного Комитета чрезвычайно ярко проявил новое соотношение сил в Совете. Социал-демократы, пользуясь своим абсолютным большинством, взяли себе место председателя, одного его товарища и двух секретарей, а эс-эры получили лишь одно место товарища председателя. Председателем избирается левый интернационалист-межрайонец тов. Позерн, товарищами председателя большевик Любимов и эс-эр Хитров, секретарями большевики Матвеев и Кнорин.

Это явно не соответствует соотношению сил в самой фракции социал-демократов; меньшевики и бундовцы прозевали, что в Исполнительный Комитет от социал-демократов прошли на две трети большевики. Также они прозевали, что в Бюро единой социал-демократической фракции Совета прошли одни большевики. Таким путем Минский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов уже в конце мая оказался целиком в руках большевиков, и его политика с каждым днем становилась все более и более решительной.

Первым боевым вопросом был вопрос об июньском наступлении, пропагандируемом Керенским по настоянию Антанты. Исполнительный Комитет Западного фронта, в большинстве состоящий из эс-эров, в начале было высказался против наступления, а потом решительно изменил свое поведение и пошел на поводу у Керенского и генерала Брусилова. Минский Совет принял большевистскую резолюцию, в которой самым решительным образом осуждал наступление, призывал к братанию и т. д. (конечно, часть „единой" социал-демократической фракции на сей раз не выдержала и нарушила фракционную дисциплину воздержанием). Фронт привык прислушиваться к голосу Минского Совета, хотя его собственным выборным органом являлся Искомзап (Фронтовой Комитет). Фронт уже давно подметил, что политическая линия Минского Совета и Искомзапа начинает расходиться, и он сам решил выбрать из двух и, конечно, выбрал Минский Совет, дающий большевистские лозунги, снабжающий зажигающей „Правдой" и „Социал-демократом", присылающий большевистских агитаторов. Повсеместно фронтовые части принимают резолюции против наступления, отовсюду присылают их в Минский Совет. И председатель Минского Совета на первом Всероссийском С'езде Советов вместе с фракцией большевиков вносит свое особое заявление, опубликованное в „Правде"—против наступления.

18 июня было об'явлено наступление.

По настоянию Искомзапа, и благодаря центристскому уклону части большевиков, после 18 июня позиция Минского Совета была изменена в том смысле, что, оставаясь противником наступления и считая наступление несвоевременным и вредным для дела революции, Совет тем не менее, считаясь с фактом об'явления наступления, призывал подчиниться боевому приказу и, не входя в его обсуждение, беспрекословно исполнить его. Тем не менее июньское наступление на Западном фронте было сорвано и сорвано благодаря большевистскому Минскому Совету.

18 июня стало историческим днем для революционного движения в Минске. Состоявшаяся в этот день по постановлению Всероссийского Центрального Исполнительного

Комитета всеобщая демонстрация должна была стать демонстрацией против наступления, демонстрацией большевистских лозунгов. Большевистский президиум с этой целью заготовил ряд знамен с лозунгами, требующими власти Советов, немедленного мира, рабочего контроля, и т. д. и т. д. Об'явленное наступление смутило кое-кого из еще недостаточно окрепшей фракции и после 3-х часовых прений Исполнительный Комитет запретил вынести на улицу знамена с этими лозунгами. Тем не менее большевистские знамена показались на улицах. Вокруг этих большевистских знамен произошла первая схватка между лже-социалистами меньшевиками и большевистскими рабочими. Большевистские знамена были сорваны, но этот „подвиг" меньшевиков только усилил популярность большевиков.

Раскол „об'единенки" выпрямил линию большевистской фракции Минского Совета и еще больше подчеркнул как перед гарнизоном, так и перед фронтом большевистскую позицию Совета.

Формирование ударных частей, батальонов смерти, женских батальонов и т. д. было другим чрезвычайной важности вопросом, по которому Минский Совет опять оказался руководителем мнения фронта. Он высказался против всяких ударных формирований, указывая, что они в процессе борьбы пролетариата станут орудием в руках контр-революции. Но ударные части формировались. Они были введены и размещены также в Минске. И по праву они могли считать Минский Совет и большевиков своими врагами. В городе создалось тревожное положение. Минскому Совету угрожала серьезная опасность быть разгромленным ударниками. Да и кроме ударных частей в городе было значительное количество анархически-черносотенных элементов ввиде деклассированных рабочих мастерских Согора и др., руководимых неким Лукашевичем, которые, не получивши удовлетворения полностью в своих требованиях, угрожали двинуться к Совету и расправиться с ним. Конечно, Совет вполне сознавал, что здесь необходима агитация и агитация. Но июньские дни настолько осложнили положение, что Совету пришлось подумать о вооруженной поддержке. Была

установлена связь с частями и предложено им выступать только с согласия Совета, а также являться для защиты Совета по первому его требованию. Это была первая попытка собрать вокруг Совета вооруженную силу и эта попытка имела громадные последствия. Она приучила гарнизон, и даже части фронта, слушаться Совета и защищать этот Совет. Мало того, частям было предложено выставить добровольный караул к Совету и они с большим рвением исполняли эту свою новую задачу, тем самым сплачиваясь вокруг него и привыкая защищать его, как свой орган, против командования.

Минский Комитет РСДРП (большевиков) уже в июле м-це пошел дальше. Тревожное положение, присутствие в городе ударных частей, неоднократные нападения, избиения большевиков, большевистских агитаторов, определенно контрреволюционная линия, взятая новым главнокомандующим Корниловым, все это заставило Минский Комитет сейчас же подумать о защите революции от контр-революции, об организованном вооруженном сопротивлении возможным контрреволюционным выступлениям и бонапартистским попыткам, как со стороны генералов, так и со стороны Керенского. Учитывая все это, Минский Комитет большевиков приступил к собиранию сведений о вооруженных частях, о количестве верных штыков, состоянии вооружения, количестве винтовок, патронов и т. д. После общих собраний Совета собирались особые конспиративные собрания, на которых представители **вооруженных** частей делали доклады о политическом состоянии частей, обсуждали вопросы о боевой мощи революции и т. д. Назначался порядок вызова частей. Устанавливались места сбора, пароли.

Но полной уверенности в гарнизоне у большевиков небыло. И быть не могло.

Корниловщина, когда Совету и Фронтовому Комитету впервые на деле пришлось прибегнуть к боевой силе для борьбы с действительной контр-революцией и выделить свой Революционный Штаб, сыграла только на руку большевикам, нарушив старый порядок вызова и отправки частей и приучив их выступать по зову Совета и партии. Руководство подавлением

Корниловского выступления находилось в руках Фронтового Комитета, который на сей раз действовал вместе с Минским Советом. С фронта были сняты части и переброшены под Могилев, чтобы пешим порядком двинуться на Ставку. **Был сформирован первый гражданский Штаб гражданской войны из членов обоих советских органов. Этот Штаб послужил примером для всех дальнейших таких формирований.**

Если Корниловщина приучила к ведению гражданской войны, то с другой стороны она и политически окончательно дискредитировала власть Керенского и дала самую широкую возможность массовой агитации против нее.

Большевистские организации на Западном фронте и в Минске начинают усиленную борьбу, как против Корниловщины и всего генералитета и офицерства в целом, так и против Керенского.

„Наступление, отступление, поражение, победа, почетный или позорный мир"—все это рассматривается генералитетом как средство раздавить революцию. Ставка самым очевидным образом спекулирует на известиях о поражении. Ставка раздувает наши неудачи, ставка выдумывает их, клевещет на геройски сражающиеся части, чтобы посеять в стране панику... Поражение под Ригой в высокой степени подозрительно. Не стоим ли мы тут перед новой формой борьбы с „внутренним врагом", спекуляцией на самых поражениях, сознательной уступкой неприятелю известной части территории и разгромом революционных войск, чтобы скрутить всю страну железом и кровью. Революционный народ должен, наконец, положить конец этой недостойной игре и оградить страну от пораженческой контр-революционной буржуазии и генералитета. „Выход один—вся власть политическая и военная революционной демократии",—так писал тов. А. Ф. Мясников во втором номере газеты „Молот" 16 сентября и эти положения стали тезисами для агитационной работы большевиков на Западном фронте.

Правительство борется против этих тенденций всеми мерами. На фронте арестовываются тысячи солдат за большевистскую агитацию против войны и против офицерства и генералитета, за власть Советов.

Минскому Совету еще в июле приходилось обратить внимание на эти жертвы контр-революции. Многочисленные заседания Минского Совета и Исполнительного Комитета были посвящены заслушанию докладов самих арестованных, была послана Комиссия для выяснения их положения и, хотя во главе Комиссии стоял правый эс-эр Туркин, результаты работы Комиссии вызвали бурю негодования против „демократии" Керенского в Совете.

Вопрос о политических арестованных солдатах фронта стоял самым важным вопросом во всей деятельности Минского Совета за август и сентябрь м-цы. Совет единогласно находил, что в свободной России не должно быть политических арестованных из среды рабочих и крестьян. На основании этого, 37 Запасный Пехотный Полк, несущий караулы по гауптвахтам, заявил, что общего караула нести при совместном помещении уголовных и политических не будет. Вследствие этого, арестованные на деле свободно ходили по городу, приходили на собрания партии и Совета и неоднократно случалось, что оратор с трибуны Минского Совета начинал свою речь следующими словами: „Я арестованный солдат (или офицер), находящийся в заключении на гауптвахте в Кошарах"... Он арестованный—пришел на заседание Совета и вместе с ним пришел его караул.

Совет понимал то значение, какое арестованные и находящиеся в минских тюрьмах смогут сыграть в решительную минуту и дал им указание с'организоваться по военной организационной схеме. Это было сделано. Находящиеся в тюрьме товарищи образовали полк со своими выборным командным составом, который и ждал только указаний Совета, минуты, когда он должен будет начать действовать.

Для Минского Совета создалось затруднительное положение. Товарищи из тюрем и многие воинские части торопили выступлением. Они хотели быть свободными, они хотели свергнуть тот гнет, который лежал на них. Про это говорилось открыто на заседаниях Минского Совета и только совершенные тупицы могли не понимать, что здесь идет речь о восстании.

Но Минский Совет трезво учитывал свое положение и знал, что сепаратное его выступление не даст никаких положительных результатов. И неоднократно, когда на заседаниях Совета арестованными товарищами и воинскими частями пред'являлись требования немедленно выступить, покончить с контр-революцией и освободить арестованных, председателю Совета приходилось уговаривать делегатов, что момент выступления еще не настал, что придет время, когда организованные силы большевиков, находящиеся в местах заключения, смогут своей преданностью и революционным порывом оказать делу революции большую услугу, чем путем немедленного и самовольного освобождения.

Одновременно с этим рабочие массы убеждались, что соглашательское правительство неспособно им ничего дать. Впереди других рабочих шел профессиональный союз пекарей. Пекари, ввиду введения монополии хлеба, очутились в трудном положении и должны были начать забастовку против демократического самоуправления, которое в их глазах стало самоуправлением предпринимателей. Союз считался только с большевиками и только комитет большевиков мог их призвать к подчинению и работе.

За пекарями шли и другие рабочие.

Таким путем Минским Советом было сделано все, что было необходимо для революционного выступления и захвата власти.

Представители эс-эров и меньшевиков прекрасно понимали, к чему ведет такая политика Совета, к чему ведут большевики, но эти эс-эры и меньшевики бессильны были изменить эту политику и многие из них часто поддавались влиянию масс и шли по течению.

6.

Образование Минского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей партии большевиков положило начало более углубленной работе по созданию военной организации на фронте, и революционизированию солдатских масс

и накоплению вооруженной силы для осуществления советской власти.

Образование Минского Комитета положило начало также и широкому большевистскому партийному строительству.

Комитет начал свою работу изданием своего манифеста, в котором в самых решительных выражениях отмежевывался от оппортунистических меньшевистских элементов, называя их лже-социалистами, полу-социалистами и т. д. Это не могло не вызвать громадного неудовольствия и истерических криков, как в среде меньшевиков, так и в среде примыкающих к большевикам межрайонцев, которые хотели итти по пути умеренности и соглашения. Уступкой этой части товарищей можно считать то обстоятельство, что еще в конце июля выборная кампания в Городскую Думу была проведена по единой социал-демократической выборной платформе, по единым спискам. Это затемнило перед массами лицо большевиков и не дало возможности сразу учесть то влияние, которое партия имела после июльского разгрома во время ужасных гонений на нее, во время расцвета бонапартистских стремлений Керенского.

Однако, это был единственный случай, когда Минский Комитет стал на путь соглашения. Вся дальнейшая его работа отличалась ясностью, определенностью позиции и последовательностью взглядов.

Главною задачею Комитета, единственного большевистского центра во всей Западной Области, было ведение агитации и создание мощных партийных организаций.

Для этой цели Минский Комитет еще 27 июля (8 августа) приступил к изданию своего ежедневного органа—газеты „Звезды". Издание большевистской газеты в дни, когда назревала в лоне правительства, среди офицерства и генералитета, контр-революция, когда эта контр-революция делала первые попытки выступить против революции, было дело чрезвычайно трудное.

Однако, Минский Комитет превозмог все трудности. С выпуском „Звезды" начался второй этап распространения большевистских идей на Западном фронте. „Звезда" разносила по окопам взгляды партии, „Звезда" в яркой форме пропа-

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ЯЧЕЙКА 32-го ТЫЛОВОГО ЭВАКУАЦИОННОГО ПУНКТА В МИНСКЕ, В КОНЦЕ 1916—В НАЧАЛЕ 1917 г.
КНОРИН В. Г., КРИВОШЕИН Н. И., ЦИРУЛЬ, ПЕРНО Я. Ф., ПОНОМАРЕВ.

гандировала идею власти советов, революционного выхода из войны и борьбу с генералитетом и керенщиной. Под этими агитационными лозунгами расширялась партийная организация, распространялось влияние ее на фронт, создавались наши организационные ячейки.

Результаты влияния „Звезды“ сразу же сказались. В начале августа Минский Комитет мог приступить к организации первой большевистской конференции фронта и области. Конференция была назначена на 1 сентября. Но в разгаре подготовки ее „Звезда“ была закрыта, что помешало связи товарищей на фронте с Комитетом. Перед самой же конференцией разразилось корниловское восстание, которое помешало многим товарищам оставить части и ехать на конференцию в Минск.

С‘ехались, однако, представители от 2.530 организованных членов партии. Но сами делегаты заявили, что это представительство далеко не полное. Поэтому было решено конференцию об‘явить только совещанием. На совещании были приняты основные положения по организационному вопросу и намечены задачи агитации. Товарищи раз‘ехались с тем, чтобы вновь собраться через две недели 15-го сентября на Первую Северо-Западную Областную Конференцию РСДРП (большевиков). На этой конференции присутствовало 67 делегатов с решающим голосом и 21 делегаг с совещательным голосом и было уже представлено **девять тысяч сто девяносто** организованных членов и около **двадцати пяти тысяч** сочувствующих. Из них 6.548 человек в армии (62 делегата) и 2.642 человека в тылу (27 делегатов): Минск—11, Гомель—3, Бобруйск—2, Слуцк—2, Ивенец—2, Замирье—2 и т. д. Все они были готовы с оружием в руках проводить в жизнь принципы своей „партии“ и „итти в бой за хлеб, за землю, за мир и свободу“. Ко времени этой конференции, закрытая по приказу Керенского, „Звезда“ была заменена „Молотом“, который пользовался еще большими симпатиями солдатских и крестьянских масс, чем его предшественница. Он уже распространялся в количестве от 8 до 10 тысяч экземпляров.

На 5 октября была назначена 2-ая конференция.

Время от первой до второй конференции, с 19 сентября по 5-е октября, составляет третий период нашей работы, когда

партия уже начинает вступать в открытую борьбу с контр-революцией, когда ее боятся, когда она получает особую популярность среди масс. На собравшейся 5 октября 2-ой конференции присутствовало 247 делегатов с решающим и 106 с совещательным голосом, которые представляли 28.508 организованных членов партии и 27.856 сочувствующих, а всего 56.447 человек, преимущественно солдат. Это была сила, с которой нельзя было не считаться, которая брала свое, несмотря на все препятствия. Вторая конференция сыграла большую роль в подготовке октября. Здесь впервые был поставлен вопрос о необходимости создания на фронте крепких вооруженных кулаков для предстоящей борьбы за власть Советов.

От этой конференции путь революционного движения идет прямо к октябрю, к перевороту.

7.

Конец сентября и начало октября—период небывалого развития большевизма по всей России. Рост большевистского влияния на Западном фронте и в области наглядно показывает рост членов партии от совещания к первой конференции и от первой ко второй конференции, но на самом деле большевистское влияние растет быстрее всяких цифр.

Это развитие большевизма на фронте повсеместно приходит в противоречие с существующими массовыми военно-революционными органами—дивизионными, корпусными, армейскими и другими комитетами, которые в ходе развития революции из ее двигателей сделались ее тормазами. Будучи избранными в эпоху расцвета керенщины в апрельские и майские дни, когда большевики еще не проявили себя в должной мере фронтовой работой, состоя в большинстве своем из эс-эров и меньшевиков, они уже с августа м-ца перестали отражать действительное настроение солдатской массы. Масса ушла от меньшевиков и эс-эров, масса совершила переоценку их лозунгов и программы, масса порвала с соглашательством. Комитеты же остались меньшевистско-

эс-эровскими, сторонниками соглашательства, противниками дальнейшего революционизирования масс. Между комитетами и массами началась борьба.

Таким же тормазом движения стал фронтовой Исполнительный Комитет Первого С'езда Советов, избранный в апреле м-це. Не имея с самого начала определенного большинства, он долгое время колебался по ветру, но после корниловского выступления определенно отмежевался от революционного движения и стал явно контр-революционным центром, стал на сторону офицерства и генералитета. Это отразилось в целом ряде изменений в составе самого же фронтового комитета. В единой эс-эровской фракции стало замечаться разложение. Стоящий на крайнем революционном крыле ее тов. Калманович ушел из нее, перешел в ряды большевиков. Целый ряд левых социал-демократов, державшихся неопределенной линии, порвал с центром, возглавляемым Штерном и перешел в ряды большевиков. Оформилась большевистская фракция фронтового комитета, в которой числились: т.т. Мясников, Калманович, Кривошеин, Селезнев, Могилевский, Полукаров, Аптер, Щукин, Громашевский и Фомин. Образовался революционный центр в самом фронтовом комитете. Правое крыло фронтового комитета верно почуяло грозящую керенщине опасность и решило взять твердый курс вправо. Избранный в апреле председателем фронтового комитета от фракции социалистов-революционеров максималист Полянский (ныне коммунист) вскоре после корниловщины оказался для фракции слишком левым и был заменен одним из самых правых эс-эров д-ром Кожевниковым. Во всех решениях с этого времени фронтовой комитет стремился себя противопоставить Минскому Совету и быть верным палладином Керенского и главнокомандующего Духонина, сменившего Корнилова. Еще летом, в июле м-це, на заседании фронтового комитета, на котором присутствовал генерал Брусилов, эс-эр Зетель, чтобы оправдаться перед генералом Брусиловым, бросившим обвинение фронтовому комитету в том, что он принял пораженческую резолюцию против наступления, подал генералу новую резолюцию, в которой фронтовой комитет заявляет, что он уже за наступление.

Такая переоценка ценностей происходит во фронтовом комитете по всем важнейшим вопросам.

Но Минский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов развивается и революционизируется вместе с массами, идет во главе и руководит ими.

Майские перевыборы передали главенство в Совете в руки большевиков. Но этого было мало для октября. Учитывая происшедшее полевение рабочих и солдатских масс и оформление левых партий, в сентябре м-це произвели перевыборы Совета. Эти перевыборы дали следующее соотношение сил в Совете: всего избрано 337 чел., из них большевиков 184 чел., эс-эров—62 чел., меньшевиков—25 чел., Бунда—21 чел., с.-с.—5 и беспартийных в большинстве идущих за большевиками—41 чел., а в Исполнительном Комитете 23 большевика, 7 эс-эров, 4 бундовца, 2 меньшевика 1 поалей-ционист и 1 от Еврейской Об'единенной Социалистической Партии. Пользуясь своим большинством, большевики в Президиум Совета избирают только своих представителей. С этого момента Совет сознательно готовится к великой роли, которая ему предстояла в ближайшие дни. Совет намечает широкий план будущей работы, разбивается на отделы, долженствующие охватить все отрасли государственной работы и приступает к созданию технического аппарата власти и набору сотрудников необходимых для ее осуществления. Кладется основа будущему советскому административному аппарату.

В то же время военная организация партии большевиков всецело занята подготовкой вооруженной силы, учетом оружия, организацией санитарной помощи, разработкой планов выступления и т. д. Видно для всех, что решительный час не за горами. Каждая винтовка, каждый пулемет должны быть на учете Совета, т. е. его революционной большевистской части. И эта работа проделывается товарищами с большим энтузиазмом на нелегальных и полулегальных собраниях на Петроградской ул. № 6.

Видна ли эта работа массам, знают ли они, чувствуют ли они приближающиеся события?

„Буревестник“, сменивший закрытый „Молот“, открыто вещает бурю, которая должна снести все старое и создать совершенно новые формы жизни. Это—период, когда тов. Ленин публикует свою знаменательную статью—„Удержат-ли большевики государственную власть“ и отвечает на заданный вопрос определенно и ясно: „Да, удержат, если возьмут“. Это время, когда „Рабочий Путь“, под именем которого скрывается нелегальный орган РСДРП (большевиков) „Правда“, печатает письма Ленина о восстании, время для которого, по его мнению, уже настало. И „Буревестник“, вестник грядущей рабоче-крестьянской власти перепечатывает эти письма, ибо „Рабочий Путь“ доходит до Минска в 2—3-х экземплярах. „Буревестник“ разносит эти письма по фронту и пропагандирует в самых широких массах идею восстания.

Могло ли это пройти незамеченным для минских меньшевиков вроде Штерна, Бассиста, Колотухина и эс-эров вроде Нестерова, Кожевникова, Дризо, Николаева и др? Нет, для них должно было быть совершенно ясно, к чему клонится дело.

Вопрос о власти Советов был поставлен открыто перед всей страной.

Путь к достижению этой власти большевистскою партией был намечен—это путь вооруженного восстания и насильственного захвата власти.

Организационные предпосылки для захвата и организации власти—переход Совета в руки партии большевиков были налицо. Технические условия—подготовка необходимой для восстания вооруженной силы—имелись: сами меньшевики и эс-эры могли наблюдать, как эти вооруженные силы скоплялись и организовывались вокруг Минского Совета, организационного центра восстания в Белоруссии.

Но, может быть, они предполагали, что большевистские выступления это вопрос далекого будущего, во всяком случае, месяцев?

И такое предположение было невозможно.

Для всех было ясно, что собирающийся Всероссийский С'езд Советов должен будет решить вопрос, а с'езд был назначен сперва на 15, а потом перенесен на 25 октября.

Собравшийся перед тем Областной С'езд Советов принимает резолюцию с требованием о переходе всей власти в руки советов, то же самое делает Минский Совет.

Слухи о грядущем выступлении большевиков жужжат в ушах обывателей.

Днем выступления называют 20 октября.

Этому верят даже некоторые мало информированные большевики.

Блюститель интересов революции Минский Совет считает необходимым выпустить по этому поводу обращение, в котором указывает, что 20 октября никакого выступления не будет, а потому призывает всех граждан быть спокойными. Минск привык верить и прислушиваться к Совету, и это успокаивает.

Последние дни соглашательской власти. Все взоры обращены на революционный Петроград, куда с'езжаются большевистские делегаты со всей России с требованием „Власть Советов".

В воздухе пахнет переворотом.

8.

25-ое октября.

День открытия Второго Всероссийского С'езда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

Орган Минского Комитета большевиков „Буревестник" выходит под лозунгом: „Нам нужно кончить грабительскую войну, предложив демократический мир! Нам нужно отменить помещичьи права на землю и передать без выкупа всю землю крестьянским комитетам! Нам нужно уничтожить голод, побороть разруху и поставить рабочий контроль над производством и распределением! Нам нужно дать всем народам России право свободного устроения своей жизни. Но для того, чтобы осуществить все это, необходимо, прежде всего, вырвать власть у корниловцев и передать ее Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Потому наше первое требование: **„Вся власть Советам".**

Орган Минского Совета „Рабочий и Солдат" в приветствии с'езду высказывает уверенность, что с'езд возьмет

власть в свои руки и осуществит это первое и основное требование народных масс.

Полнее эти требования были намечены уже 22 октября на общем собрании Минского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов т. А. Мясниковым, который заявил: или власть должна быть революционно—демократическая, или буржуазная. Полупути здесь быть не может. До сих пор она была буржуазна. Мы же требуем диктатуры пролетариата и крестьянства. Армию мы дожны вырвать из рук контр-революции и порвать как со своей буржуазией, так и с буржуазией союзнических стран и покончить войну революционным путем. Если тогда английская, немецкая и т. д. буржуазия об'единятся против нас, **мы станем оборонцами,** но будем защищать не позиции международного капитала, а позиции революционного пролетариата. Мы стоим и ждем: кто что посмеет против нас. Мы должны сказать ясно и открыто: **если временное правительство не передаст власти советам, мы должны будем восстать и взять ее.** Но пока большинство не стало на нашу точку зрения, мы этого делать не будем. **Задача Советов взять власть, или, если не удастся, погибнуть славной смертью.** Такая власть немедленно разрешит вопросы о войне и земле. **Мы должны совершить революционные факты—учредительное собрание придаст им юридическую форму. Без советов мы не мыслим учредительного собрания.**

В этом заявлении тов. А. Мясникова, сделанном от имени Совета, все ясно и определенно: неизбежность восстания, характер той власти, которая должна установиться и, наконец, необходимость поддержки восстанием решений 2-го Всероссийского С'езда Советов.

Президиум и большевистская фракция Минского Совета бодрствует. Комитет большевиков в боевой готовности. К полдню 25 октября получено краткое радио № 1 Петроградского Военно-Революционного Комитета: Петроградский гарнизон и пролетариат низверг правительство Керенского, восставшее против революции и народа. Переворот, упразднивший Временное Правительство, произошел бескровно... Народная роволюционная армия должна не допускать отправки с фронта ненадежных войсковых частей на Петроград. Дей-

ствовать словом и убеждением, а где не помогает, препятствовать отправке беспощадным применением вооруженной силы и т. д.

Президиум Минского Совета, в полном согласии с общими директивами Собрания Совета от 22 октября и решениями Сев.-Западного и Минского Комитетов РСДРП (большевиков) выпускает свой приказ № 1 к населению гор. Минска и окрестностей, в котором заявляет: „В Минске власть перешла в руки Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, который обратился **ко всем революционным организациям и политическим партиям** с предложением немедленно приступить к организации временной революционной власти на местах. Об'являя о происшедшем, Минский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов доводит до сведения всех граждан, что им приняты самые решительные меры к охране революционного порядка и установлению железной дисциплины повсюду. Установлена революционная цензура над всеми выходящими в Минске и получаемыми здесь газетами для предупреждения распространения волнующих население слухов“.

Это было формальное об'явление переворота, который еще не состоялся. К двум часам по городу был расклеен приказ и к тому же времени, по распоряжению Совета, начали выстраиваться перед зданием Совета на Петроградской ул. № 6 освобожденные из тюрем и гауптвахт политические арестованные солдаты фронта—большевики. Они уже в тюрьме под руководством прапорщика Ремнева сорганизовались в воинскую единицу, разбитую на роты, взводы и отделения, и основною их задачею теперь являлось получить вооружение. Тем временем члены фракции Исполкома успели уже из'ять из артиллерийских складов необходимое количество оружия (винтовок и пулеметов) и аммуниции. Наскоро оружие роздано. Председатель Совета Ландер, председатель Областного Комитета РСДРП (большевиков) Мясников и другие товарищи выясняют освобожденным, составляющим с этого момента 1-й революционный полк имени Минского Совета, их задачи по защите Совета и молодой советской власти.

Таким путем Минский Совет получил верную защиту от всех возможных случайностей, ненадежных частей, охрану

от погромных элементов и этим обеспечил себе первый успех.

Революция была совершена. И притом совершена при соблюдении всех демократических принципов. Вопрос о восстании сперва был продебатирован в Совете, постановлением президиума от имени Исполнительного Комитета был об‘явлен переход власти в руки советов и после этого начаты шаги к вооруженной поддержке и осуществлению на деле прокламированного порядка. Все это делалось среди бела дня, на виду у всех. И меньшевики на собранном 26 октября заседании Исполнительного Комитета имели только один формальный упрек большевикам—вопрос об об‘явлении приказа должен был решаться не президиумом, а Исполнительным Комитетом в целом. Большевистская фракция также **обращалась ко всем революционным организациям и политическим партиям участвовать в строительстве власти на новых советских началах.**

Но это был только первый шаг. За ним должны были последовать другие. Необходимо было на самом деле еще осуществить власть советов. Необходимо было занять важнейшие правительственные и общественные учреждения, штабы, почту, телеграф, железные дороги, установить революционный контроль над их деятельностью и сделать это, не нарушая их правильной работы. Для этой цели под вечер 25 октября все ответственные коммунисты были распределены по учреждениям и назначены комиссарами, а все караулы в городе заняты солдатами 1-го революционного полка.

Центральным пунктом внимания Совета была Штаб Западного фронта во главе с главнокомандующим генералом Балуевым и комиссаром Ждановым. В первую минуту Штаб принял назначенных Советом комиссаров (тов. Полукарова и др.) и как будто признал советскую власть. Вторая кавказская дивизия, верное оружие в руках Жданова и Балуева, стоявшая под городом, на другое утро прислала двух офицеров с заявлением, что она в распоряжении совета. При таких условиях, ставя своей целью не нарушать работы штаба фронта, 26 октября Исполнительный Комитет издал постановление, в котором говорит: „И. К. доводит до сведения всех

частей фронта и местного гарнизона, что все боевые приказы оперативного характера, исходящие от главнокомандующего Западного фронта генерала Балуева, должны беспрекословно исполняться. Политическая сторона деятельности Штаба Западного фронта фактически находится в руках Минского Совета Раб. и Солд. Депутатов". Но уже 26 октября к вечеру позиция генерала Балуева, а также Кавказской казачьей дивизии стала меняться. Полученные известия о сопротивлении Керенского окрылили надеждою штаб и начались попытки вызова фронтовых частей для отправки в Петроград на помощь Краснову и Керенскому.

Гораздо труднее было справиться с телеграфом и почтою, которые уже вечером 25 октября, получивши директивы от своих центров, начали саботаж. Поставленные советом комиссары справились с этим саботажем, предотвратили прекращение работ и заставили всех служащих оставаться на местах.

Это была первая крупная победа советской власти в Западной области.

Минскому Совету и Областному Комитету РСДРП большевиков ясно было, что, несмотря на эту первую победу, вопрос о торжестве советской власти решается не в Минске, а в Петрограде и Москве, но в исходе борьбы фронтовая вооруженная сила может сыграть значительную роль. Минский совет знал о том, как наростает большевистское настроение на фронте, как развиваются большевистские организации, как растет число читателей „Звезды—Молота—Буревестника", но Минский совет знал также, что все корпусные комитеты, за исключением 50-го, во главе с тов. Берзиным, и фронтовой комитет находятся в руках соглашателей социалистов-революционеров и меньшевиков, и трудно было сказать, удастся ли сейчас же взять верх на фронте. Фронтовой комитет 25 октября решительно стал против переворота, и Минскому Совету пришлось считаться с ним, как с самою мощною враждебною силою, часть большевиков внесла предложение, чтобы его арестовать целиком и таким путем сразу устранить с дороги. Но тенденции к об'единению в советах всех социалистов были в больше-

вистской среде еще слишком сильны, чтобы пойти на этот шаг. Большевики фронтового комитета 25 октября фактически оставили его и перешли на работу в Минский Совет.

Основною и первою задачею молодой советской власти в Минске было недопустить снятия с фронта частей и отправки их в столицы. Необходимо было задержать подвигающиеся эшелоны, раз'яснить им положение вещей и призвать их стать на советскую сторону. Эта задача весьма успешно выполнялась партийными агитаторами и комиссарами железнодорожного узла Смирновым, Савицким и Четырбоком.

Для распространения же советской власти на всю Белоруссию и фронт 26 октября вечером было решено составить Военно-Революционный Комитет Западной Области, и бюро областного комитета советов 27 октября об'явило, что областной комитет считает возможным вступить в образуемый при Минском Совете революционный комитет на следующей платформе: 1) революционный комитет создается для охраны порядка и безопасности населения области; 2) недопущение пропуска эшелонов с фронта; 3) недопущение распространения провокационных и клеветнических сведений о советах и революционной демократии и ведущейся ими борьбе; 4) революционный комитет сосредоточивает в своих руках всю полноту власти впредь до образования таковой в центре и на местах и 5) в революционный комитет от исполнительного комитета западной области входят два представителя и немедленно по образовании этого революционного комитета в него входят по одному представителю от каждого совета западной области. Председателем революционного комитета был назначен т. А. Мясников, в состав его членов вошли т. т. В. Фрейман, М. Калманович, К. Ландер, В. Кнорин и др.

Таким путем был создан революционный орган власти для всей области и фронта, который должен был укрепить, усилить и развить эту власть, который должен был защитить новую советскую власть от ополчающихся на нее генералов, буржуазии и соглашательских социалистов.

9.

27 октября.

Третий день советской власти. Опубликовано постановление Исполнительного Комитета Советов Западной Области об организации Революционного комитета. Но до Революционного комитета и Минского Совета уже доходят тревожные слухи. На почте и телеграфе положение осложнилось. К обеду уже во многих местах появляются караулы Исполнительного Комитета фронта, которые требуют от караульных Революционного комитета сдачи постов. Кавказская дивизия стала на сторону фронтового комитета и штаба. Соц.-революционеры успели нелегально отпечатать свои листовки и за расклейкой их был пойман один из виднейших членов их организации Злобин и доставлен в ревком. Минскому Совету и Комитету РСДРП (большевиков) приходится признать, что Советская власть в Минске и области стоит не на твердых ногах, что все буржуазные силы после первого нанесенного удара собираются вместе для того, чтобы начать борьбу против советской власти и переворота 25 октября. Центром этой контр-революционной работы является Исполнительный Комитет Западного фронта во главе с эс-эрами Николаевым, Кожевниковым и др. и меньшевиками Колотухиным и др. и комиссар Штаба фронта Жданов.

Как раз перед восстанием в фронтовом комитете образовалось довольно значительная группа сторонников диктатуры Керенского и буржуазии. Фронтовой комитет даже высказался против созыва 2-го с‘езда советов, что было логическим следствием всего его поведения, ибо на 2-ом с‘езде в положительном смысле должен был быть разрешен вопрос о власти советов. Петроградское, а вслед затем Минское восстание сняло маску с фронтового комитета.

К 27 октября фронтовой комитет обманным путем вызвал в город верные штабу вооруженные военные части, взял под свое покровительство штаб и комиссара правительства Керенского—Жданова и образовал так называемый комитет

спасения революции, который немедленно приступил к борьбе с революцией.

К 3 часам дня на улицах Минска появились казаки, во дворах, на площадях кавалерийские части. Площадь Свободы была занята артиллерией и пулеметами. Вооруженное кровавое столкновение между двумя борющимися силами, большевистским революционным комитетом и Минским Советом, с одной стороны, и меньшевистско-эс-эровским фронтовым комитетом и штабом фронта, с другой стороны, казалось неизбежным. Но тут-то между двумя борющимися лагерями появились „герои единого социалистического фронта", во главе с А. Б. Штерном, членом фронтового комитета, и предложили свое посредничество для предотвращения кровопролития и гражданской войны—и на этот раз сослужили хорошую службу революции. Революционный Комитет на экстренном заседании признал, что принять вооруженную борьбу в создавшихся условиях и при имеющихся силах нельзя, что это может привести лишь к разгрому и полному поражению Ревкома и Совета. Поэтому было решено принять посредничество Штерна и попытаться отложить решение вопроса хоть на несколько дней, дабы собраться с силами.

Еще столкновение не началось, когда Ревком вернулся из своей конспиративной квартиры заседаний в Советский дом, и его президиум в сопровождении Штерна отправился во фронтовой комитет для переговоров с комитетом спасения революции. Соглашение было достигнуто на следующих основных пунктах: 1) комитет спасения революции не признает образовавшегося в Петрограде Революционного Комитета и не подчиняется ему; 2) комитет спасения признает, что вопрос о власти решается не в Минске и не на Западном фронте, а в столицах; 3) комитет спасения отказывается от посылки вооруженных частей на Петроград и Москву и не пропускает таковых через Минск; 4) комитет спасения признает амнистию политических арестованных, произведенную Минским Советом, но находит необходимым их разоружить; 5) Минский Совет посылает в комитет спасения революции двух представителей Минского Совета (И. Я. Алибегова и Я. Ф. Перно) до тех пор, пока он строго придерживается взятого на себя

обязательства о непосылке войск на подавление восстания и 6) комитету спасения временно принадлежит вся власть в районе Западного фронта до окончательного сконструирования власти в центре и на местах. Он составляется из представителей общественных организаций и политических партий гор. Минска и окрестностей—по два от каждой

Благодаря этому соглашению, пушки и пулеметы через несколько часов были убраны с площадей и кавалерийские и казачьи части скрыты по дворам. Советские караулы снялись с постов и стягивались в свои бараки перед Советом на Коломенской площади. Их место заняли караулы из 2-й Кавказской дивизии и отряд текинцев, верные генералу Балуеву и большинству комитета спасения.

28 октября состоялось заседание Исполнительного Комитета, прерванное утром 27-го прибытием вооруженных частей комитета спасения. На этом заседании соглашение было подтверждено.

Большевики, идя на это соглашение и посылая от имени Минского Совета своих представителей в комитет спасения, совершенно не задумывались о том, что им придется взять на себя какие-нибудь обязательства. Минский Совет и большевики были силой, хотя еще не сорганизовавшейся, а эс-эро-меньшевистский блок и комитет спасения были еще не опытны в стратегии гражданской войны, а потому заключенный договор был удачным для Совета.

Совет шел в комитет спасения только для того, чтобы выгадать время, чтобы иметь возможность обратиться к солдатским массам фронта и получить ту вооруженную помощь, которой получить в первые три дня советской власти не удалось. И в то время, когда т.т. Алибегов и Перно сидели в комитете спасения и дебатировали с господами Ждановым, Николаевым и Колотухиным, другие работники Минского Совета раз‘ехались по фронту, чтобы там в солдатских комитетах, на дивизионных, корпусных и армейских с‘ездах разрешить вопрос о власти, этот спор между революцией и контр-революцией. И это решение не заставило себя ждать. В течении нескольких дней в огромном количестве частей

фронта был поставлен вопрос о советской власти и вынесены резолюции, поддерживающие восстание.

В то же время соглашательские комитеты один за другим переизбирались массами и переходили в руки большевиков. Комитет спасения получал ежедневно угрожающие резолюции и предложения подчиниться Военно-Революционному комитету и признать власть Советов.

Одновременно шла борьба в среде минских рабочих. До октября почти все профессиональные союзы и все рабочее движение Минска находилось в руках бундовцев и во главе Центрального Бюро профсоюзов стоял бундовец И. Перель, который от него входил в комитет спасения. Для левой группы Бунда, для центр. бюро профсоюзов—та политика, которую вел комитет спасения была явно неприемлема. Большевики ставили вопрос перед собранием правлений всех профсоюзов, фабрично-заводских комитетов, железнодорожников и др. организаций, на которых преобладали бундовцы. Здесь принимается предложение центр. бюро выйти из состава комитета спасения, оставаясь нейтральным. И центральное бюро еще довольно продожительное время оставалось нейтральным и делало попытки об'единить необ'единимое: 4 ноября оно вынесло постановление о создании комиссии для установления контакта между комитетом спасения и Минским Советом, но эта „викжельская" политика Ц. Б. уже запоздала: комитет спасения уже до этого умер.

Эта массовая кампания, поднятая Минским Советом и партией большевиков не могла остаться скрытою от глаз комитета спасения и партий социалистов-революционеров и меньшевиков. В комитете спасения появились запросы по этому поводу, на страницах газеты „Социалист-Революционер" ругань по отношению к Совету и возгласы: маску долой! В номере 7 „Соц.-Рев." они поставили вопрос большевикам: „заявите открыто, поддерживаете ли вы революционный порядок или сознательно готовы вести революцию к гибели". На этот вопрос А. Мясников дал им ответ в 18 номере „Звезды", появившейся 1-го ноября вновь под своим старым именем: „Рабочие и солдаты восстали против узурпаторов, предателей, изменников и палачей, они прогнали Керенского

и Кишкина, **они создали власть** Советов, народное правительство, мы за него, мы **поддерживаем** его. Мы за восстание. Вместе с нами и Советы и Минский Совет. Вместе с нами и все солдаты. А вы? С кем вы? Вы за какой революционный порядок? Вы за революцию господ Керенских, мучителей солдат, вы сознательно и бессознательно поддерживаете контр-революцию. С вами штабы и подлые комиссары низложенного правительства; с вами все враги рабоче-крестьянской революции; с вами жалкие типы из никому не нужных комитетов, от которых уже отвернулись массы, которые они свергают и революционным путем на их место выбирают новые; с вами **мертвые**, вся гниль русской революции". И заканчивает: „Но вы надели новую маску: создали комитет спасения революции, где вы предаете революцию, а не спасаете ее. Но скоро и эта новая маска будет снята с вашего безобразного лица. **На фронте совершается революция.** На фронте солдаты производят коренную чистку авгиевых конюшен. Создаются там новые революционные комитеты. Всюду происходят армейские с'езды. Через несколько дней вы не узнаете фронта. И тогда будут сочтены и ваши дни. **Революционный фронт возьмет и вашу контрреволюционную позицию, которую вы создали в Минске. Это вопрос ближайших дней. Знайте это, господа в черных масках".**

Итак новый переворот был назначен и про это заявлено и партии социалистов-революционеров и комитету спасения. А потому комитет спасения должен был торопиться. Он чувствовал, как почва уходит у него из-под ног, чувствовал, что его век исчисляется уже не днями, а часами. Он принимал все меры для своего спасения. Он решительно потребовал от Минского Совета возвращения взятых 25 октября пулеметов и винтовок, что означало разоружение 1-го революционного полка имени Минского Совета. Они потребовали опубликовать в бюллетенях Минского Совета, что „на основании приказа № 1 комитета спасения революции Западного фронта, распоряжения Правительства Народных Комиссаров и Военно-Революционного Комитета в Петрограде во всем районе Западного фронта не исполняются". Он пот-

ребовал, чтобы все распоряжения Правительства Народных Комиссаров и Военно-Революционного Комитета в Петрограде, публикуемые в изданиях Минского Совета (Бюллетень), сопровождались примечанием, что они исполнению не подлежат.

Конечно, Минский Совет не мог исполнить этих требований, ему необходимо было торопиться, чтобы не попасть в руки Николаевых, Ждановых и Колотухиных.

1-го ноября явился в комитет спасения представитель корпусного с'езда гренадерского корпуса, прочитавший заседанию ряд постановлений с'езда, в которых, между прочим, говорилось: „Обсудив выступление исполнительного комитета 1-ой армии и исполнительного комитета западного фронта против Военно-Революционного Комитета и против власти советов, с'езд постановляет: **1) считать выступления армейского и фронтового комитетов предательством и изменой революции, 2)** считать армейский и фронтовой комитет утратившими свои полномочия, не прислушиваться к их голосу и не подчиняться их постановлениям, 3) требуем немедленного созыва армейского и фронтового с'езда; это требование мы гренадеры готовы поддержать всеми мерами и 4) через своего представителя требовать у комитета спасения революции, признания совершившейся революции и подчиняться новому правительству. **В случае отказа, с'езд требует насильного разгона комитета спасения революции;** для осуществления этого требования корпус примет все меры, выполнение которых с'езд поручает избранному им Исполнительному Комитету".

Это была публичная оплеуха комитету спасения, который в тот же день умер, как орган, фактически осуществляющий власть. Фронт шел на помощь большевистскому Минскому Совету и Революционному Комитету не только резолюциями, но и вооруженной силой. Уже 25 октября Минский Совет обратился к фронту о присылке броневых машин, но тогда соглашательские комитеты этому помешали. Теперь 2-ая армия двинула на помощь Совету один из лучших броневых поездов, снабженный пушками и пулеметами под руководством тов. Пролыгина. Прибытие в Минск этого бронепоезда озна-

чало смерть комитета спасения и установление власти Советов. Когда комитет спасения про это узнал, его председатель Колотухин вместе с штабным офицером Завадским решили взорвать путь, чтобы не допустить поезд в Минск. Железнодорожники были против этого и потому оффициальное решение о взрыве как-будто было отменено. Тем не менее Колотухин и Завадский отправились и взорвали трубочку и полотно на 712 версте Ал. ж. д. Но оказалось, что блиндированный поезд уже 712 версту прошел, а идущий поезд был санитарным. Колотухин и Завадский бросили свой автомобиль на дороге и лесом сбежали. Факт их преступления был установлен рабочими. Блиндированный же поезд цел и невредим ночью с 1-го на 2-е ноября прибыл на станцию Минск.

Прибытие блиндированного поезда в распоряжение Минского Совета сразу изменило соотношение сил, Минский Совет теперь имел то, чего ему не хватало 27 октября: он имел силу, которая могла приказать и заставить с нею считаться. Теперь всякие ультиматумы комитета спасения теряли свою силу. Конечно, теперь они стали смешными. Вопрос о признании советской власти в западной области и на фронте был предрешен, Совет стал фактической властью, Ревком начал действовать. На 2-ое ноября было назначено заседание Минского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, которое должно было провозгласить происходящий переворот. Комитет спасения был бессилен оказать этому перевороту свое сопротивление и бессильно смотрел на происходящее.

10.

2-ое ноября.

Сообщения о поражении контр-революции и Керенского уже достигли Минска и поднимают боевое настроение у коммунистов и уверенность в благополучном исходе дела революции. Правая часть комитета спасения революции, заметивши подготовительную работу большевиков, в свою очередь, ведет такую-же работу. Нарушение комитетом спасения соглашения 27 октября тем, что он пропустил несколько эшелонов на Петроград и Москву, с одной стороны, и требование со

стороны того же комитета немедленного ответа на ультиматум, пред'явленный 31 октября, заставляют торопиться.

Прибытие блиндированного поезда дает к этому возможность и 2-го ноября утром делегация Минского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов оглашает в комитете спасения заявление о своем выходе, в виду того, что комитет спасения нарушил соглашение 27 октября. Одновременно появляется в „Звезде“ [№ 19 (56)] обращение Исполнительного Комитета Совета к рабочим, крестьянам, солдатам и всему населению Западного фронта, в котором, между прочим, говорится: „...оказалось, что за спиною этого комитета (спасения), с ведома и при поддержке правой части его, действует группа явных контр-революционеров—корниловцев, стремящаяся к разгрому Совета и левых партий. Обязавшись не поддерживать Керенского в борьбе с народным восстанием, комитет спасения нарушил это обязательство, отправив и пропустив несколько эшелонов на Петроград и Москву. Содействуя разоружению революционного гарнизона г. Минска, комитет спасения в тоже время не препятствует вооружению других, специально вызванных им частей, пулеметами, расставляет пулеметы по городу, вызывает новые кавалерийские части. Все это указывает на то, что правая часть комитета действует самостоятельно, стремясь вызвать гражданскую войну и братоубийственную резню здесь на фронте, о чем открыто и заявили некоторые члены названного комитета, руководимые бывшим комиссаром правительства Керенского —В. А. Ждановым“.

Приводя пред'явленный комитетом спасения ультиматум, воззвание говорит: „Ультиматум этот Исполнительный Комитет Минского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов с негодованием отвергает, так как подобного рода обязательства Совет на себя никогда не принимал и не может принять. Все это доказывает, что **наши взгляды на цели и задачи революции коренным образом расходятся. Расходятся и наши пути**. Стоя на страже интересов революции, интересов громадного большинства народа и всей трудовой демократии— Совет Рабочих и Солдатских Депутатов считает дальнейшее участие свое в комитете спасения революции бесполезным,

а для дела революции положительно вредным. Принимая во внимание непримиримую позицию, занятую правой частью комитета, оставившей за собою свободу действий по подавлению вооруженной силой народного движения в России, и считаясь с тем, что отправка эшелонов в Петроград и Москву является нарушением соглашения между комитетом и Советом,—Исполнительный Комитет сим доводит до всеобщего сведения, что им **отозваны представители Совета из комитета спасения и вместе с тем предлагаем всем Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, партийным, рабочим, профессиональным и воинским организациям** (дивизиям и корпусам) **образовать Временный Военно-Революционный Комитет Западного Фронта,** который стоял бы стойко и непоколебимо за народную власть, за интересы рабочих, трудового крестьянства и армии, который всегда и во всем поддерживал бы народное движение, направленное к полному свержению власти буржуазии, к окончательной ликвидации авантюры Керенского и других контр-революционеров, стремящихся захватить власть в свои руки.

В тот же день большевистская фракция фронтового комитета, состоящая из т.т. А. Мясникова, М. Калмановича, Н. Кривошеина, В. Селезнева, С. Могилевского, П. Полукарова, И. Аптера, С. Щукина, Л. Громашевского и В. Фомина и ушедшая фактически уже 25 октября от работы во фронтовом комитете в большевистский Минский Совет, опубликовала заявление, в котором говорит: „Мы открыто заявляем, что **в эти ответственные дни русской революции фронтовой комитет предал Минский Совет и Военно-Революционный Комитет, он предал фронт, он предал Советы, предал революцию. Он временно спас контр-революционное гнездо фронта—штаб, спас агентов Керенского, комиссаров. Такой фронтовой комитет не может считаться представителем солдат фронта. Это представительство ложное.** И мы, члены фронтового комитета, в количестве 10 человек, составляющие часть комитета, одну из его фракций, большевистскую, обязанные быть и бороться вместе с революционными солдатами и **не желая обманывать их, оставаясь в рядах такого нереволюционного органа, как фронтовой**

комитет, через его голову обращаемся к фронту с призывом теснее сомкнуть свои ряды, дружнее закончить свое дело, и революционные волны фронта докатятся до мертвых берегов фронтового комитета. **Долой фронтовой комитет, да здравствует новый революционный фронтовой комитет!“**

Этот удар разбил сразу фронтовой комитет и лишил его последней поддержки масс, которые шли за большевиками.

Фронтовой комитет умер, необходимо было только его убрать...

Вечером, 2 ноября, в городском театре собралось тысячеголовое общее собрание Минского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов с представителями воинских и фабрично-заводских комитетов, собрание, руководимое одной мыслью: поскорее покончить с комитетем спасения, собрание, знающее, что за ним стоит могучая вооруженная сила, что против него бессильна злоба комитета спасения, генерала Балуева и его комиссара Жданова и всех правых эс-эров и других оппортунистов. Докладчиком по вопросу о текущем моменте выступает т. А. Мясников, встречаемый несмолкающими овациями. Он излагает основные принципы Советской власти, основные боевые лозунги и развивает ближайшие задачи, которые стоят перед Советской властью. Он развивает историю революции в Минске и заявляет, что сегодня наступило время покончить с предательским комитетом спасения и начать работу рабоче-крестьянского Военно-Революционного Комитета, имеющего своею целью организацию правильной Советской власти. Тысячи рук поднимаются за предложенную от фракции большевиков резолюцию, лишь небольшая кучка эс-эров и меньшевиков против и воздерживается. Голосованием представителей всех рабочих и всего гарнизона, делегатов от воинских частей, предприятий и фабрик, профессиональных союзов и членов Совета, провозглашается Советская власть под звуки несмолкающего Интернационала.

Но после этого начинается ряд заявлений: представитель эс-эров заявляет об уходе своей фракции из Совета, то же самое заявляет представитель меньшевиков, представитель Бунда заявляет о выходе бундовской фракции из Исполнительного Комитета, но одновременно из уходящих фракций вы-

ступают товарищи, которые заявляют о своем несогласии с большинством фракции и намерении остаться и работать с рабоче-крестьянскою советскою властью (от эс-эров Требицкий и Дайнеко, от меньшевиков т. Решетов). Представители комитета спасения, присутствовавшие на данном собрании, как побитые собаки уходят в свой развалившийся комитет, а в старом доме на Петроградской 6 начинается суетливая, но полная энергии жизнь.

После 2 ноября комитет спасения революции был мертв. Необходимо было только похоронить его остатки и разбить пропагандируемые Бундом идеи соглашательства и сиденья между двух стульев. А эти „викжелевские" идеи глубоко вкоренились в мыслях и в понимании задач революции минских ремесленных рабочих, на которых наша партия до октября не успела обратить должного внимания. Теперь это явление было чревато тяжелыми последствиями. 25 октября большинство рабочей секции Минского Совета состояло из бундовцев, паолей-ционистов и меньшевиков, которые колебались между революцией и своими вождями. Другая же руководящая рабочая организация—Минское Центральное Бюро профессиональных союзов в огромном своем большинстве состояло из их же представителей и было руководимо бундовцами—т. т. И. Перелем, А. Вайнштейном, М. Я. Фрумкиной и др. После 27 октября партия и Минский Совет осознали всю важность этого факта и в дни активной революционной борьбы началось овладевание большевиками Минским профессиональным движением. Уже 31 октября состоялось собрание правлений всех профессиональных союзов, фабрично-заводских, железно-дорожных и других рабочих комитетов, на котором руководящая группа во главе с Фридом и Вайнштейном выявила свою позицию, указывая на контр-революционную роль, которую играло Временное Правительство Керенского, с одной стороны, и существующую, по их мнению, изолированность и неспособность к широкой организационной работе Советов, с другой стороны. Однако, на этом собрании произошел значительный поворот на лево и большинство собравшихся стало на сторону рабоче-крестьянской власти. Следуя решениям этого собрания, Центральное Бюро профес-

сиональных союзов 2-го ноября отозвало своих представителей из комитета спасения, но как на сей раз, так и на следующем своем заседании 4 ноября отказалось послать своих представителей в Военно-Революционный Комитет, а решило созвать свою комиссию для установления контакта между все усиливающимся Военно-Революционным Комитетом и расползающимся комитетом спасения. Партия большевиков, однако, имела перед собой ряд резолюций, вынесенных рабочими на предприятиях, в которых они высказались за переворот, за советскую власть, а потому партия имела полное право утверждать, что **оно, Центральное Бюро, не выражает мнения минских рабочих, что оно отстало от их революционных стремлений.** Очень многие революционные рабочие-бундовцы, которые на самом деле были за советскую власть, лишь в силу партийной дисциплины голосовали за „нейтралитет". Это был нейтралитет вождей, а не масс. Поэтому партия большевиков могла стать и против Центрального Бюро профсоюзов, приступить к разрушению этого старого гнезда меньшевизма. После резолюции о нейтралитете, 9, преимущественно из новейших, профсоюзов Минска (союзы служащих кинематографа, рабочих по обработке дерева, по выработке мучных изделий, пекарей, чернорабочих и носильщиков, поваров, рабочих дрожжевого производств, кожевников и прачек и гладильщиц) оставили Центральное Бюро, заявили, что они с ним не считаются и приступают к организации нового Центрального Бюро, стоящего на точке зрения поддержки рабоче-крестьянской власти. Этим был нанесен удар старым лидерам Бунда и их позиции и отсюда начинается медленное умирание этой партии. Бундовское Центральное Бюро профсоюзов после этого оказалось столь же дезорганизованным, как комитет спасения революции.

Но победа революции под Питером и Москвой оказала действие не только на рабочих-бундовцев, партия меньшевиков, благодаря присутствию в ней рабочих, на другой день после выхода из Совета, 5 ноября, признала **„раскол демократии и уход из Совета небольшой, но сознательной части ее—ошибочным и противоречащим основным понятиям организации и тактики рабочего класса и потому**

постановила, что советская фракция РСДРП (меньшевиков) должна вернуться в Совет". Это означало опять-таки тактическое поражение меньшевиков и распад их организации, которая взяла неприемлемый для масс курс.

При виде всего этого и самой сильной крепости контрреволюции, штабу главнокомандующего Западным фронтом генерала Балуева, не оставалось другого исхода, как капитулировать: 5 ноября генерал Балуев разослал всем начальствующим лицам фронта телеграмму. в которой, между прочим, говорилось следующее: **„В Минске комитет спасения революции распался. Комиссар (В. А. Жданов) сложил полномочия. Верх взяли Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, образовав Военно-Революционный Комитет, который взялся держать все в порядке.** Наша, начальников, в настоящее время задача должна заключаться в удержании фронта и в недопущении в войсках междуусобных и братоубийственных столкновений. **Так как вся власть перешла к Военно-Революционному Комитету, я заявил ему, что до установления новой власти в России и водворения порядка, ни в какую политическую борьбу не вступаю и никаких шагов к выступлениям не буду делать; предлагаю и Вам в политическом отношении держаться принятой мною тактики** и обратить все свое внимание и употребить все силы на то, чтобы удержать войска на фронте и без вызова Революционного Комитета не допускать самочинных перевозок и передвижений их, пользуясь для этого влиянием образовавшихся в армиях военно-революционных комитетов".

Начиналась новая эра в революционной работе, и чтобы перейти к ней, Военно-Революционный Комитет посчитал нужным из'ять и выслать из Минска главных руководителей к-та спасения—Жданова и Колотухина.

11.

Приступая к своей работе, 3 ноября, Военно-Революционный Комитет издал свой приказ № 2, в котором призывал всех граждан Западного фронта и области исполнять только распоряжения нового народного правительства и

военно-революционных комитетов и верить только честным революционным (большевистским, лево-эсэровским и интернационалистским) газетам и не верить комитетам спасения революции.

Теперь перед Военно-Революционным Комитетом стояла очередная задача—провести революцию в деревне и на фронте и организационно закрепить за собою массы, разбить остатки гнезд соглашательского социализма и перейти от безвластия к власти рабочих и крестьян, к диктатуре пролетариата.

Проводником аграрной революции в белорусской деревне должен был быть Совет Крестьянских Депутатов Минской и Виленской губерний, образованный еще весной. Вначале во главе этого Совета стоял большевик т. Фрунзе, но в период соглашательства партии социалистов-революционеров на 2-ом с‘езде крестьян удалось взять верх и во главе Совета Крестьянских Депутатов стал правый с.-р. Нестеров, а земельные комитеты, еще в апреле и мае образовавшиеся в каждой волости, должны были ограничиться проповедью лозунга: „Земля и Воля“, и ждать учредительного собрания, борясь против большевистских лозунгов о захвате земли. Но в земельных комитетах были об‘единены лишь крестьянские верхи (кулаки и наиболее зажиточные), а Совет Крестьянских Депутатов на самом деле был выразителем стремлений этих верхов, и вполне естественно, что крестьянское массовое движение пошло мимо их. Уже в июне м-це в некоторых частях Минской губ. (Борисовский, Мозырский у. у.) начались захваты помещичьей земли, порубки помещичьих лесов, покосы, потравы и т. д. Земельные комитеты здесь сыграли довольно таки печальную роль. Являясь местными органами Совета Крестьянских Депутатов, они стали против захвата земли, но крестьяне пошли против них. Тогда приходилось из Минска посылать комиссию для улаживания возникших конфликтов и в отдельных случаях, применять вооруженную силу для охраны помещичьей собственности. Эти обстоятельства помогли самоопределиться деревенской массе против соц.-революционеров за большевиков. Когда в последних числах октября в деревню

был брошен декрет о земле, провозглашающий формальное право крестьян на помещичью землю, которой в Минской губ. было в 2,8 раза больше крестьянской, аграрная революция сразу приняла самые широкие размеры и смела все препятствия со своего пути. Повсюду стали образовываться волостные советы, стоящие на точке зрения захвата помещичьей земли, а по уездам возникали военно-революционные комитеты, посылающие своих представителей в Областной Военно-Рев. Комитет. То обстоятельство, что эта аграрная революция происходила осенью, привело лишь к разделу помещичьего инвентаря и имущества, к захватам зерна, но имения в большей своей части остались целы до весны, когда, по мнению крестьянского большинства, должна была произойти дележка земли. Крестьяне знали, что землю они получают и помещиков изгоняют благодаря большевикам, а потому они как один стали на сторону большевиков. Уездные Советы Крестьянских Депутатов переизбираются и получают большевистское большинство, подготовляется Губернский С'езд Крестьянских Депутатов, который должен по новому организовать крестьянское представительство в органах власти.

Одновременно заканчивается переворот на фронте. В первых числах ноября состоялись с'езды 2-й, 10-й и 3-й армий, на которых было вынесены определенные резолюции и образованы военно-революционные армейские комитеты. Почти во всех постановлениях армейских с'ездов говорится о том, что деятельность фронтового комитета и комитета спасения является предательством и изменой революции, и предлагается фронтовому комитету и комитету спасения революции на западном фронте подчиниться Петроградскому Военно-Революционному Комитету и Совету Народных Комиссаров и изменить свою политическую линию в направлении развития, расширения и углубления власти советов.

В состав Военно-революционного комитета 2-й армии вошли т. т.: поручик Рогозинский, прапорщик Р. Берзин, солдат Пасынков, солдаты Незнамов, Клышейко, Кузьмин, Воробьев и Попов, доктор Тихменев и доктор Петров, а председателем был избран тов. Тихменев, а потом Петров.

Председателем Военно-революц. к-та 10-й армии был избран солдат т. Яркин, а в состав комитета вошли т. т. Ханов, Мих. Пантелеев, Селтенев и др.; председателем же Военно-революционного комитета 3-й армии был избран прапорщик т. Анучин.

После этого окончательно мог сконструироваться Военно-Революционный Комитет области и фронта, который к 10 ноября насчитывал уже около 25 представителей, под председательством тов. А. Ф. Мясникова, и приступить к важнейшей своей задаче: созыву с'ездов для выбора постоянных и единых краевых и фронтовых органов советской власти.

Но покончивши со старыми гнездами соглашательства на фронте и в области, Военно-Революционый Комитет должен был перейти к борьбе с демократическими учреждениями, избранными на основах всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, которые требовали себе первенства как в вопросах местного управления, так и в вопросах политического руководства. Социалисты-революционеры с самого начала смотрели на советы, как на переходную форму, через которые страна должна придти к демократическим городским думам, земствам и учредительному собранию. Они всегда возражали против советов, как постоянных носителей власти как в местном, так и государственном масштабе. Минские соц.-революцинеры после выборов городской думы, в которой они получили относительное большинство, стали определенно за упразднение Совета и их представителем И. И. Хитровым была произнесена соответствующая речь. Лишь вновь поднимающаяся революционная волна помешала им развить свою противо-советскую кампанию. Совет же и Военно-Революционный Комитет считили себя высшими руководящими органами как в в области политического руководства, так и в области местного городского хозяйства. Городская дума пыталась и в буре революции говорить, но ее голос не был услышан никем, ибо за нею не было никакой вооруженной силы, и она влачила свое существование, никем не замечаемая.

Военно - Революционный Комитет, обращая внимание на город, издал приказ об освещении улиц, который Город-

ская Дума отказалась провести в жизнь, несмотря на явную пользу приказа для населения города. Тогда Военно-революционный комитет, находя еще преждевременным меры физического воздействия на Думу, решил действовать помимо ее и 8-го ноября издал приказ, в котором говорится: „ввиду отказа городского управления гор. Минска осветить хотя бы частично улицы города Минска, постановлено: принять немедленные меры к освещению улиц. Поручить тов. Скуратовичу немедленно взять из склада общественных и военных организаций 200 керосино-калильных фонарей, набрать партию рабочих в 200-300 чел.", и т. д. Этот мелкий инцидент имел большие последствия.

9-го ноября уже был издан приказ о том, что ввиду того, что Городская Дума оказалась бессильной устранить неблагоустройство города, что антисанитарное состояние города угрожает здоровью и жизни солдат,—целый ряд функций органов самоуправления передается городскому комиссару по гражданской части, а 16-го ноября таким же приказом из ведения Городской Думы была из'ята милиция. Все эти мелкие факты являлись агитационным материалом и поставили пред нами вопрос о соотношениях демократических и советских организаций и положили начало кампании за упразднение Городской Думы. Впредь уже Военно-Рев. К-т не обращался к Думе, а свои распоряжения проводил через собственные органы.

Дальнейшим шагом и следствием уже широко развиваемого принципа о непригодности так называемых общественных учреждений явился роспуск Комитета Земского Союза и Союза Городов и назначение в эти гнезда либерализма и соглашательства своего советского комиссара. Чтобы провести в жизнь этот приказ, потребовалось арестовать виднейших из сидящих там земцев. И это служило первою школою расправы с „демократией" и ее учреждениями.

И так шаг за шагом выясняются принципы новой власти и сразу берется строгий и определенный курс на диктатуру.

Буржуазная „свобода" печати была ограничена уж 25 октября, а в первых числах ноября был закрыт орган Минского Комитета с.-р. „Социалист-Революционер", над

типографиями же был назначен комиссар. С погромами в деревнях, с саботажем на железных дорогах была начата самая решительная борьба. Было введено строгое распределение функций отдельных комиссаров Военно-революционного комитета и положено начало советскому, рабоче-крестьянскому аппарату.

Наступал новый период. Самое трудное было за спиною. Впереди стоял вопрос о ликвидации фронта, уничтожении старых надежд на учредительное собрание и окончании организации твердой власти на принципах, положенных в основу советской системы.

Вот те основные вопросы, которыми жила революция в первые **сто дней** советской власти в Белоруссии.

12.

7-ое ноября.

Опубликовано предложение Совета Народных Комиссаров Верховному Главнокомандующему генералу Духонину обратиться к военным властям неприятельских армий с предложением немедленного приостановления военных действий в целях начать мирные переговоры. На генерала Духонина было возложено ведение этих предварительных переговоров. Когда же Духонин уклонился от исполнения этого поручения, 9-го ноября была опубликована новая радио-грамма Совета Народных Комиссаров, которою дело заключения мира было передано самим солдатским массам. „Пусть полки, стоящие на позиции, выбирают тотчас уполномоченного для формального вступления в переговоры о мире с неприятелем. Совет Народных Комиссаров дает вам право на это и о каждом шаге переговоров вы извещайте нас всеми способами".

Это радио является событием величайшей важности в истории нашей революции как по своему смыслу, так и по его последствиям. Оно показало нагляднее всего, что Россия подняла знамя социализма и не считается ни с какими нормами старого международного права, договорами и. т. д. Это предложение подняло на ноги и французскую военную миссию в Минске, представитель которой генерал Рамполье

заявил устный и письменный протест председателю Военно-Рев. Комитета и главнокомандующему. Однако, Военно-Рев. Комитет принял все меры, чтобы провести в жизнь предложения Совета Народных Комиссаров. Когда же главнокомандующий армиями Западного фронта генерал Балуев отказался подчиниться власти Сов. Нар. Комиссаров и вступить в переговоры с немцами о заключении перемирия на фронте, Военно-Революционный К-т 12 ноября постановил сместить генерала Балуева и назначить главнокомандующим Западным фронтом члена Военно-Рев. К-та, большевика, подполковника В. В. Каменьщикова. Этот акт, с одной стороны, окончательно разрушил центр офицерской контр-революции, с другой стороны, дал возможность приступить к ведению мирных переговоров и демобилизации армии, что явилось необходимым для закрепления победы революции. И этот день, 12 ноября, когда тов. Каменьщиков, Полукаров и еще группа товарищей вошли в кабинет Балуева, об'явили его арестованным и предложили уехать в глубокий тыл, явился днем крупнейшего поражения для всего русского генералитета и офицерства. После этого уже легко было тов. Крыленко взять Ставку, после этого уже широк путь к переговорам частей на фронте о мире.

Война кончена, армия демобилизуется сама, мир заключается самими массами—вот сущность тех выводов, которые вытекают из этих событий.

Переговоры о мире начались сразу и снизу, и сверху. С одной стороны, верховный главнокомандующий Крыленко начал переговоры с главнокомандующим немецким восточным фронтом генералом фон-Эйхгорном, с другой стороны, отдельные дивизии и корпуса начинают заключать перемирия на своих участках. Эта работа снизу об'единялась по армиям и в конце концов была завершена заключением перемирия по всему Западному фронту, после чего уже начались Брестские мирные переговоры. Одновременно с этой кампанией за перемирие и для того, чтобы она продвигалась вперед наиболее успешно, необходимо было сосредоточить всю полноту власти в руках комитетов и подчинить им всех лиц командного состава, дабы отдельные части и отдельные лица, являющиеся противниками перемирия, не могли срывать его про-

вокационными выходками и не подчинением. Вследствие этого, кампания за мир явилась также кампанией упразднения старого армейского аппарата.

Наконец, 20 ноября делегацией Военно-революционного комитета армий Западного фронта в составе солдата Фомина, солдата Щукина и мл. унтер-офицера Берсона, делегацией 2-й армии в составе доктора Тихменева и доктора Петрова, делегацией 3-й армии в составе солдата Лукьянова и солдата Школьникова, с одной стороны, и уполномоченным главного командования германского вост. фронта генерал-майором фон-Зауберцвейгом, с другой стороны, был подписан договор о перемирии между германскими и рускими армиями по всему фронту. Договор вступил в силу 23 ноября (5 декабря) в 2 часа дня.

Одновременно с установлением по всему фронту перемирия, вслед за которым заключено общее перемирие в Бресте и начались брестские переговоры, должна была итти демобилизация фронта. Декретом о перемирии было положено начало демобилизации и в дальнейшем уже никаких распоряжений не требовалось. Фронт демобилизовывался сам. Солдаты по-просту уходили, садились на поезда и уезжали. И только незначительные группы их остались на фронте до февральского разрыва мирных переговоров.

Советская Россия нашла верный способ дешево и легко произвести демобилизацию без широкого и налаженного аппарата, но Советская Россия не смогла сразу создать достаточные силы для отпора германскому империализму, когда в феврале срок перемирия истек и германские армии начали свои наступательные действия.

Эвакуация, начавшаяся сейчас же после заключения перемирия и особенно усилившаяся к началу февраля, когда появились первые предзнаменования разрыва брестских переговоров, дала значительные результаты. 18 февраля уже была вывезена вся тяжелая артиллерия, почти вся авиационная часть, 60% легкой артиллерии, огромное количество снарядов, взрывчатых веществ и инженерного имущества, было снято с фронта и отведено в глубокий тыл около 25% всех пехотных полков

со своим имуществом и $^1/_{12}$ (приблизительно) легкой артиллерии. Не вполне использованы были лишь лошади. В виду полного отсутствия фуража, они гибли в громадном количестве, хотя и не малое количество их было комиссариатом земледелия совместно с комиссариатом народного хозяйства роздано бесплатно крестьянам.

Вследствие крайнего недостатка подвижного состава, абсолютного неполучения его из России, нельзя было эвакуацию производить интенсивнее. Транспортная разруха сыграла тут решающую роль в смысле тормаза для всей разгрузочной работы.

13.

Три с"езда...

Они положили начало правильно организованной советской власти в западной области и на фронте, они должны были закрепить завоевания 25 октября.

Прежде всего бросается в глаза их фракционный состав.

Если в июле на **Губернском крестьянском с'езде** председательствовал правый эс-эр Нестеров-Веденяпин, то на **таком же с'езде, открывшемся 18 ноября**—он получает всего 8 голосов из 335.

Открывшийся **19 ноября Областной С'езд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов** состоит на две трети из большевиков, на одну треть из левых с-р., правые с.-р. имеют всего одного представителя.

На **С'езде же Солдатских и Крестьянских Депутатов Западного фронта** (открылся 20 ноября) большевики имеют 473 делегатов, левые с.-р.—74, соц.-рев. центра—2, правые с.-р.—5, максималисты—9, анархисты—5, меньшев.—94 и беспартийные 105 делегатов.

Как крестьяне, так и солдаты на всех этих трех с'ездах огромным большинством голосов высказались за власть советов и шли за большевистской партией, именно как за партией сов. власти. Исстрадавшаяся, измученная солдатская масса целиком шла за советской властью и с первых же дней энергично взялась за строительство советов и в очень многих

случаях составляла в них большинство. Крестьянство, которое еще в июле шло за лозунгом „Земли и Воли", к моменту октябрьской революции уже окончательно разуверилось в партии соц.-рев. и примыкало к большевикам, как партии, давшей и осуществляющей на практике декрет о социализации земли. Несколько хуже обстоит дело с рабочими. Большевики еще не успели разбить старые укрепившиеся партии, имевшие когда-то в Белоруссии большое значение, как Бунд, и рабочие верхи еще в значительной мере идут с ними, хотя рабочая масса, где только она имеет возможность высказаться помимо верхов, заявляет, что она за советскую власть.

Масса народная—за советскую власть, масса народная—за революцию. Советская власть вполне соответствует чаяниям большинства народа.

Крестьянский с'езд в своей основной резолюции говорит: „С"езд ,всецело признавая декреты Совета Народных Комиссаров, изданные с согласия и одобрения Ц.И.К., вполне присоединяется к ним и обещает проводить их в жизнь по Минской и Виленской губ. С'езд призывает всех колеблющихся и идущих против завоеваний октябрьской революции подчиниться непреклонной воле рабоче-крестьянской революции, стремлениям революционных солдат". В завершение своей работы, этот с'езд единогласно (ввиду того, что левые эс-эры не имеют своего списка) призывает всех крестьян Минского губ. округа голосовать в учредительное собрание за список партии большевиков (№ 9).

Областной с'езд Советов представляет Минск, Гомель, Лунинец, Вилейку, Ветку, Борисов, Бобруйск, Несвиж, Синявку, Осиповичи, Жлобин, Слуцк, Рогачев, Докшицы, Ганцевичи, Речицу и Замирье. С'езд констатирует, что повсюду Советы уже организовались, что они пока еще заняты организационными вопросами, но власть повсеместно уже находится в руках советов.

Но самое важное значение для дела революции имел открывшийся 20 ноября фронтовой с'езд: выявление политической линии фронта, вынесение ряда полититески-хозяйственных резолюций и, наконец, наиважнейшее решение с'езда —резолюция о демократизации армии. Политическая линия

с‘езда достаточно определилась его фракционным составом и дело с‘ездовских прений было лишь похоронить мертвое тело соглашательского фронтового комитета. В резолюциях о снабжении и демобилизации мы встречаемся с самою широкою программою реорганизации не только фронта, но и тыла: 1) коренное и немедленное изменение оснований, на которых построено снабжение страны и армии, для чего необходимо: а) демократизация всех органов снабжения, создание органов, могущих производить фактический контроль железных дорог, фабрично-заводских предприятий и их производства, учет запасов, их распределение и потребление, б) немедленный общий учет с.-х. запасов, путем привлечения лиц, сведующих в с.-х. деле, 2) немедленное введение твердых цен на все продукты и предметы первой необходимости, 3) немедленная реквизиция хлеба, фуража и всех продуктов сельского хозяйства у помещиков, монастырей, банкирских и торговых домов, спекулянтов, перекупщиков, зажиточных крестьян, а также во всех магазинах и складах разных организаций, после чего производить выдачу из органов продовольствия только по установленной норме. Это не только резолюция,—это целая широкая хозяйственная программа, которая здесь впервые выдвигается западным фронтом и к осуществлению которой фронт немедленно приступает.

В вопросе о демократизации армии с‘езд постановил, что: 1) вся полнота власти в пределах каждой войсковой части их соединений, учреждений, принадлежит соответствующему солдатскому комитету; 2) оперативно-боевая часть, снабжение, санитарная часть временно находятся в ведении прежних органов, но под контролем комитетов и их комиссаров, которыми могут быть отменены распоряжения этих органов; 3) отмена офицерского и унтер-офицерского звания и чинов; 4) избираемость командного состава снизу до верху; 5) упразднение отличий и введение однообразной формы для всех солдат и т. д. Эти решения, которые впоследствии легли в основу декрета, обязательного для всех фронтов, на западном фронте немедленно начали проводиться в жизнь и сыграли чрезвычайно большую роль. Они окончательно разбили старое офицерство, они обезопасили Западный фронт от

возможности каких-бы то ни было контр-революционных выступлений и генеральских авантюр, они превратили западный фронт в могучую крепость большевизма, во главе которой стал первый избранный командир—главнокомандующий армиями т. Мясников (прапорщик), избранный с‘ездом на место т. Каменьщикова.

Каждый из трех с‘ездов избирал свой Исполнительный Комитет, который оставался после него и должен был вершить волю своих избирателей. Но в целях создания единой и сильной власти в области и на фронте после окончания работ с‘езда сейчас же было приступлено к созданию **единого Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов Западной Области и фронта**, распространяющего свою власть на Минскую, Могилевскую, Виленскую и Витебскую губернии. В состав Исполнительного Комитета Западной области и фронта вошли: Фронтовой Комитет—100 ч., Исп. Ком. областного с‘езда Советов Раб. и Солд. Депутатов—35 ч., Исп. Ком. с‘езда Крест. Деп.—35 ч., от профессиональных с‘ездов—11 ч; от железнодорожного с‘езда—4 чел. и от почтово-телеграфного союза—2 ч. В первый президиум единого нового Областного Исп. Ком. вошли—председатель т. Рогозинский, тов. председателя—т. т. Кривошеин и Козлов, секретари—т. т. Осипов и Алибегов, но вскоре на место тов. Рогозинского, переведенного в ставку верховного главнокомандующего, стал т. Мясников. Областной Комитет образовал отделы, во главе которых стали Народные Комиссары: Военного Отдела —т. Мясников, Продовольственного—Калманович, Финансового—Феденев, Национального—Берсон, Земледелия—Дайнеко, Труда—Алибегов, Промышленности—Фрейман, Народного Просвещения—Громашевский, Юстиции—Селезнев и т. д.

С последних дней ноября м-ца началась деятельность этого Совета Народных Комиссаров, направленная, с одной стороны, к ликвидации западного фронта, с другой стороны, к организации власти на местах.

Это время характеризуется полной децентрализацией власти. Каждая волость и каждый уезд решают все важнейшие

вопросы для себя и по своему. Еще идет процесс разложения, а процесс созидательный только еще начинается.

Однако, в деятельности Совета Народных Комиссаров области следует отметить некоторые первостепенной важности акты. Это ликвидация старых общественных учреждений Согора, Земсоюза, Земгора и т. д., начало борьбы с контр-революцией и спекуляцией, начало формирования Красной Гвардии и Красной Армии, борьба со всяким соглашательством (закрытие эс-эровских газет—„Социалист-Революционер“ и „Новый Социалист-Революционер,“ меньшевистской „Минская Искра“, упразднение эс-эро-меншевистской городской Думы и Земств и т. д.)

Эта работа имела свое глубокое значение для края и когда первые сто дней советской власти на Белоруссии пришли к концу и край был захвачен немцами, в Белоруссии не было крестьянина и не было рабочего, который бы не знал, что такое советская власть.

Первые романтические сто дней советской власти— вот о чем все время немецкой оккупации вспоминали рабочие и крестьяне Белоруссии.

14.

Учредительное Собрание...

Западная область и фронт начали кампанию по выборам в Учредительное собрание еще до октябрьского переворота, 2-я Северо-Западная Областная конференция РСДРП (большевиков), состоявшаяся в начале октября, наметила список кандидатов по фронту и Минской, Могилевской и Витебской губерниям и общий характер предвыборной кампании.

По западному фронту от большевиков был выставлен следующий список кандидатов: Зиновьев Г. А., Мясников А. Ф., Ксенофонтов И. К., Ландер К. И., Гжельщак Ф. И., Громашевский Л. В., Васильев М. М., Селезнев Вл. С., Тихменев Н. С., Алибегов И. Я., Фрейман В. О., Кривошеин Н. И., Аптер И. А., Лысяков Е. И., Анучин С. А., Берзин Р. И., Феденев И. П., Раев М. А., Рогозинский Н. В., Яковлев А. И. и Куконков В. Р.

По Минской губ.: Дзержинский Ф. Э., Мясников А. Ф., Ландер К. И., Ксенофонтов И. К., Гжельщак Ф. И., Громашевский А. В., Таганов А. И., Лещинский Ю. Э., Бобинский С. Я., Кривошеин М. И., Кожуро В. Ф., Васильев М. М., Селезнев Вл. С., Тихменев Н. С., Алибегов И. Я., Фрейман В. Н. и Шлегель Н. В.

Составляя кандидатские списки, конференция допустила повторение большого количества кандидатур, исходя из тех соображений, что в итоге выборов большевикам по каждому списку удастся провести не более 3—4 кандидатур, а остальные должны иметь только агитационное значение. Предоктябрьская обстановка, хотя и показывала быстрый рост большевизма как на фронте, так и среди крестьян, но ввиду усиленной эс-эровской контр-агитации, не давала достаточных оснований предполагать, что большевики могли бы за собою на выборах повести большинство крестьян и солдат.

Октябрьская революция и фактическое осуществление большевиками декретов о земле и мире в течение ноября м-ца расширили влияние большевиков так, как этого не могла бы сделать никакая печатная и устная агитация. Здесь на конкретном примере Западного фронта и Минской губернии было потверждено то положение, что только тогда, когда пролетарская диктатура начинает осуществлять свои мероприятия, массы, стоявшие до тех пор в стороне, с неимоверной быстротой переходят на сторону диктатуры пролетариата. По Западному фронту при выборах в Учредительное собрание в крестьянской и солдатской массе победа большевизма была более блестящей и безраздельной, чем где бы то ни было в другом месте. Это последнее обстоятельство об'ясняется тем простым фактом, что Западный фронт одним из первых имел большевистское партийное руководство и первым начал осуществлять революционную реорганизацию армии и ее демократизацию.

Из общего числа 976.000 голосов, поданных при выборах по фронту, за большевиков было подано 653.400 голосов, за эс-эров 180.600 голосов, за кадетов 16.700 голосов и за все другие списки, вместе взятые, 125.200 голосов, что

дает за большевиков 65% общего числа голосов, т. е. абсолютное большинство.

Для более ясной иллюстрации берем цифры по 10 армии

Список	№ 1—украинцы	. . .	15.300
„	№ 2—мусульмане	. . .	5.958
„	№ 3—кадеты		5.536
„	№ 4—белоруссы	. . .	1.035
„	№ 5—меньшевики	. . .	2.424
„	№ 6—русские демократы	. .	1.645
„	№ 9—большевики	. . .	172.475—68%
„	№ 10—народные социалисты	.	1.299
„	№ 12—соц.-революционеры	.	57.091—21%
			262.267

Абсолютное большинство армии фронта было с большевиками, но за большевиков было и абсолютное большинство крестьян. При этом, чем волость ближе к фронту, чем сильнее на крестьян влияние фронтовиков, тем относительно большее количество голосов было подано за большевиков. Солдат-фронтовик был основным большевистским агитатором в белорусской деревне, он приносил крестьянину листовку, он советовал ему и на деле помогал поскорее расправиться с помещиком.

По всей Минской губернии (за исключением Мозырского уезда) было всего подано 488.605 голосов, из которых 340.614, то-есть 70%, за большевиков; 108.788 голосов за эс-эров; 7.998 голосов за меньшевиков и бундовцев; 30.815 голосов за еврейский буржуазный блок и прочие—за ряд других буржуазных списков. При этом нужно обратить внимание на распределение голосов по деревне и городам: почти все поданные за буржуазные списки голоса падают на города, а в каждой волости по ним подано всего несколько бюллетеней. Это означает, что крестьянство целиком шло за большевиками, а деревенская и городская буржуазия свои голоса распределяла между другими списками.

Для характеристики результатов голосования в деревне, возьмем Хотенчицкую волость, по которой всего было подано 4.017. голосов, из которых 3.733 голоса, т. е. 92% голосов, за

большевиков, остальные голоса распределились следующим образом: за польский буржуазный блок (в вол. значительная часть польского населения)—174 голоса, за соц. рев.—57 голосов, за еврейский буржуазный блок—32 голоса, за кадетов—14 голосов и за различные другие списки еще 7 голосов. Мы не ошибемся, если скажем, что 110 голосов, поданных за эс-эровский и буржуазные списки, целиком принадлежат деревенской буржуазии и местечковому мещанству и что только среди 174 польских голосов некоторая часть принадлежит крестьянам. В результате мы получим, что 97% всех крестьян голосовали за большевиков.

Но этот успех большевиков на выборах отнюдь не был случайным. Он сопровождался организационным закреплением масс вокруг партийных ячеек. Если накануне октября по фронту и области мы имели 28.208 организованных членов партии и 27.856 сочувствующих, преимущественно из среды солдат-фронтовиков, то несмотря на демобилизацию и колоссальный уплыв членов партии в тыл, на 3-й областной конференции в конце декабря 1917 года, мы все еще имеем представительство от 56.000 членов партии и сочувствующих. Вся эта масса членов партии и сочувствующих с фронта разошлась по деревням всей России и составила первые организационные кадры девевенских коммунистов.

Но перед партией стояла задача не только собрать крестьянские голоса по большевистскому списку, но сделать крестьянину понятным самый смысл Учредительного Собрания и нашу тактику по отношению к нему.

С этой задачей наша организация справилась не менее хорошо.

Мы за участие в Учредительном Собрании, мы развиваем широкую избирательную кампанию, мы стремимся завоевать возможно больше мест,—но одновременно наши агитаторы заявляют, что Учредительное Собрание не даст ни земли, ни хлеба, ни воли, если рабочие и крестьяне сами не возьмут, если созыву Учредительного Собрания не будет предшествовать революционный захват земли и воли самими крестьянами.

Для эс-эров Учредительное Собрание—цель и завершение революции.

Западная фронтовая конференция эс-эров, состоявшаяся в десятых числах октября, приняла следующую резолюцию: „Приветствуя с‘езд Советов, необходимый для выяснения професионально-классовых требований революционных рабочих, солдат и крестьян, и принимая во внимание: 1) что в настоящее время все граждане Российской Республики должны принять участие в ответственном деле создания Учредительного Собрания; 2) что силы партийных работников будут всецело отвлечены на организацию сознательного участия в выборах широких масс населения; 3) что вообще всякое отвлечение организованных сил революционной демократии опасно и несвоевременно в этот ответственный момент, что подтверждается многочисленными постановлениями фронтовых и армейских комитетов и Центрального Исполнительного Комитета Советов Крестьянских Депутатов, 3-я фронтовая конференция соц.-роволюционеров **отказывается** от участия на с‘езде Советов 20-го октября“.

Областная Комиссия по выборам в Учредительное Собрание при Северо-Западном Областном Комитете РСДРП (б) („Буревестник“ № 1, 8/X—17 г.) на это отвечает: „Оборонцы различных толков, наивные обыватели, мелкобуржуазные утописты ждут от Учредительного Собрания конца всем бедствиям, конца войны, земли крестьянам, хлеба и воли всему трудовому народу, торжества русской революции. Но Учредительное Собрание только тогда будет сильным, когда оно будет опираться на сплоченную силу революционных организаций самого народа и когда в нем самом будет сплоченный и крепкий отряд революционной армии, испытанных революционных борцов, когда в Учредительное Собрание крупной сплоченной массой пройдут большевики“.

„Звезда“ в ряде статей за весь ноябрь м-ц определенно и ясно выражает точку зрения большевистской организации, что Учредительное Собрание правомочно только на то, чтобы утвердить достигнутое октябрьской революцией и двинуть революцию дальше, если же оно пойдет против этих завоеваний, то оно должно быть разогнано самим народом, как не

выполняющее его воли. Вся агитационная кампания нашей партии была построена так, что большевистское отношение к демократии и парламентаризму было выяснено широким массам в достаточной мере еще задолго до созыва Учредительного Собрания. Массы получили то, чего они ожидали от революции, Учредительное Собрание им уже ничего не могло дать. Они голосовали за большевиков, чтобы этим голосованием закрепить достигнутое. Они легко поняли большевистскую тактику по отношению к Учредительному Собранию. И ни один рабочий, и ни один крестьянин и солдат в области и на фронте не поднялся на защиту Учредительного Собрания, когда оно было разогнано.

15.

После первых крупных успехов начинаются тяжелые дни, когда неопытными руками необходимо вести борьбу с еще сильными врагами Советской власти, с организующейся контрреволюцией и с происходящей, в связи с демобилизацией фронта, дезорганизацией и расхлябанностью в своей собственной среде.

Наиболее крупные затруднения в первые месяцы советской власти произошли при проведении национальной политики. Уже с весны белорусская национальная интеллигенция начала организовываться вокруг Белорусской Громады, которая пыталась занять место в происходящей политической борьбе и войти в контакт с Советом и советскими партиями в целях более успешного проведения своей национальной демократической программы. Несмотря на то, что Белорусская Громада являлась единственной белорусской демократической организацией, она не сумела организовать вокруг себя широких белорусских масс и в политической жизни края занимала положение партии национального меньшинства. При летних политических кампаниях и выборах в Городскую Думу, она блокировалась с такими организациями, как Е. С.-Д. Р. партия „Поалей-Цион“, партия социалистов-сионистов, Украинская Громада и т. д., чем не только не поднимала своего политического значения, но унижала себя в глазах руководящих по-

литических работников. Минский Совет и его большевистское большинство в течение всего лета относились весьма благосклонно к работе Белорусской Громады, хотя она не имела своего представительства в Совете. На массовых собраниях представлялось слово для заявлений Смоличу, Бодуновой и др. вождям Громады, Совет печатал ряд своих обращений к крестьянству по вопросу о выборах местных советов на белорусском языке. Ухудшение отношений между Советом и белорусскими организациями началось с тех пор, как в белорусском движении начали играть большую и первенствующую роль правые элементы (Езовитов, Алексюк, ген. Богданович и др.) и белорусское движение получило характер буржуазного сепаратизма. То обстоятельство, что белорусский мелкобуржуазный национальный блок получил при выборах в Учредительное Собрание совсем ничтожное количество голосов, давало право заключить, что белорусские массы представляют большевики, но не белорусские национальные партии.

Тем не менее белорусский вопрос, по той причине, что большевики не обратили на него достаточно внимания, причинил нам некоторые неприятности. Во-первых, перед Совнаркомом Западной Области стал вопрос о выделении белорусских войсковых частей. Так как во главе этого дела стояли далекие от рабочих и крестьян люди, то большевики имели все основания относиться к этим формированиям с опаской и препятствовать их расширению. Такая линия и проводилась командованием фронта. Во-вторых, перед Совнаркомом Области стал вопрос о 1-ом Всебелорусском с'езде, созванном в Минске с разрешения Наркомнаца, но без контакта с областными органами власти, и представляющем белорусские кружки со всей РСФСР, но **не представляющем белорусских крестьянских масс Области.** После длительной борьбы за революционное большинство левой части с'езда, принятая с'ездом резолюция о власти, однако, оказалась национально-демократической, на деле сводящеюся к замене власти Советов национально-демократическою властью, выделенною с'ездом. Вследствие этого, Совнарком Области решил с'езд распустить. Что он в этом решении был прав, доказывает то обстоятельство, что в течение продолжительного времени

различные организации, связывающие себя с 1-ым Всебелорусским с'ездом, вели антисоветскую пропаганду в крае. Для ближайшего периода роспуск Всебелорусского с'езда привел к переходу белорусской националистической демократии явно на сторону открытых противников Советской власти и к поддержке с их стороны готовящихся планов контр-революционных выступлений, завершившихся организацией правительства белорусской народной республики после отступления Советской власти.

Польские национальные военные формирования получили гораздо большее распространение, чем белорусские, и носили еще более определенный классовый буржуазный характер. Во главе их стояли национал-демократические офицеры, во главе с генералом Довбор-Мусницким, предполагавшие стать армией будущего польского государства; в условиях, когда белорусское крестьянство повсеместно выступало против польских помещиков, захватывая их землю и имущество, войсковые части Довбор-Мусницкого повсеместно становились на защиту помещиков, грабя и издеваясь над крестьянством. Таким образом, внутри области в лице польского корпуса Довбор-Мусницкого сорганизовалась определенная сила помещичье-буржуазной контр-революции, которая 23 января об'явила формальную войну Советской власти. Совет Народных Комиссаров, располагая лишь остатками самодемобилизующейся армии, не мог выставить против Довбор-Мусницкого равной силы. 16 февраля (3 февраля) под ст. Ясенью советские отряды были разбиты и для польских контр-революционеров был открыт свободный путь в Минск.

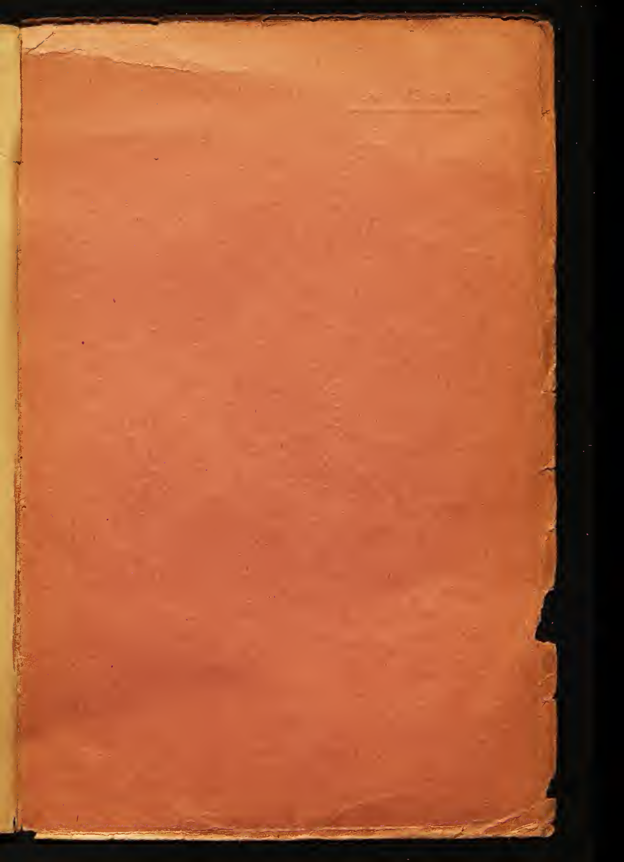
Одновременно с организацией сил реакции, поднимались дезорганизованные и деклассированные элементы внутри области, оставшиеся как наследство от империалистического фронта. Увеличивалось число нападений на имения с целью простого грабежа, участились „пьяные бунты" по железным дорогам. Для борьбы со всем этим, нужна была вооруженная сила, к сформированию которой Советская власть должна была приступить.

Но этому помешало новое немецкое наступление, как следствие разрыва брестских переговоров.

Сто дней просуществовала советская власть в Белоруссии и теперь она уходила под давлением внешнего врага, не успевши сорганизоваться для сопротивления поднимающейся контр-революции.

Однако, эти сто дней глубоко залегли в памяти крестьян и рабочих Белоруссии и под немецкой оккупацией они организуют свои силы для борьбы с внутренней контр-революцией и с немецкой оккупацией, чтобы после крушения германской военной мощи вновь восстановить в Белоруссии власть рабочих и крестьян.

Цена 50 коп.

